

№ 39. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою — 7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 29 Сентября 1879 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

ВИДЫ ЧЕРНОГОРІИ.

Грахово.

По фотографіи г. Лаптева рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ.

Будничная драма.

Разсказъ **Б. Левина.**

I.

Разгульные пиры и шумныя собранья
Не веселятъ меня и больше я люблю
По дальнимъ улицамъ безцѣльныя скитанья,
Когда померкнетъ день и голову мою
Ласкаетъ вѣтерка прохладнаго дыханье
И свѣжій воздухъ я свободной грудью пью,
Шагая медленно предъ бѣдными домами,
Мигающими мнѣ вечерними огнями.

II.

Окраинъ городскихъ убогія строенья,
Ихъ крыши темныя, подернутыя мхомъ,
Ихъ палисадники въ печальномъ разрушеньи
Я знаю наизусть и каждый старый домъ
Въ Заротной гдѣ-нибудь чуть не со дня рожденья
Во всѣхъ подробностяхъ мельчайшихъ мнѣ знакомъ
И милы мнѣ его убогія руины,
Какъ дѣтямъ няни ихъ глубокія морщины.

III.

Меня влекутъ сюда не роскоши картины,
А домовитости завѣтныя черты,
На окнахъ низенькихъ кисейныя гардины,
Въ горшкахъ дешевые, но милые цвѣты,
Кусты китайскихъ розъ, душистые жасмины,
Цвѣтущій олеандръ—и вотъ средь темноты
Я вижу лампы свѣтъ, семью за самоваромъ,
Вкушающую миръ въ своемъ жилищѣ старомъ.

IV.

И хлопотунья-мать въ чепцѣ давнишней моды,
И труженикъ-отецъ въ халатѣ и туфляхъ,
И дочь, проведшая въ трудѣ разсвѣта годы,
И гимназистикъ-сынъ съ учебникомъ въ рукахъ,
И другъ какой-нибудь, дѣлившій всѣ невзгоды
И радости семьи на всѣхъ ея путяхъ,
Всѣ собрались въ кружокъ, спокойно отдыхая,
А самоваръ поетъ—поетъ, не умолкая.

V.

Какъ сладки съ дѣтскихъ лѣтъ намъ этой пѣсни звуки,
Сзывавшіе насъ всѣхъ къ столу въ родной семьѣ.
Подъ ихъ мелодію въ душѣ стихали муки
И грезы свѣтлыя роились въ полуснѣ.
И послѣ тяжкихъ дней съ роднымъ гнѣздомъ разлуки
Мнѣ кажется порой въ вечерней тишинѣ,
Что это кроткое, ласкающее пѣнье
Зоветъ меня опять въ семью изъ отдаленья,—

VI.

Какъ колокольный звонъ торжественный и мѣрный,
Сзывающій народъ къ молитвѣ въ Божій храмъ,
Зоветъ оно меня... Но съ горечью безмѣрной
Я сознаю, что нѣтъ возврата къ прошлымъ днямъ,
Что мой семейный храмъ разрушенъ легковѣрно,
Что вѣтеръ разметалъ по разнымъ берегамъ
Сбиравшихся въ тотъ храмъ въ давно былые годы
Дѣлить и радости, и скорби, и невзгоды...

VII.

Согласная семья! Великое значенье
Въ себѣ скрываешь ты! Кто жилъ въ такой семьѣ,
Тотъ знаетъ, какъ легко въ ней сносятся лишенья,
Какъ много мужества даетъ она въ борьбѣ,
Какъ ободряютъ насъ здѣсь въ скорби утѣшенья,
Какъ радость каждая собратьевъ по судьбѣ
Становится полнѣй, когда въ минуты счастья
Въ немъ принимаютъ всѣ намъ близкіе участье.

VIII.

Такія семьи вы на жизненной дорогѣ
Едва-ли встрѣтите въ тѣхъ центрахъ городскихъ,
Гдѣ люди, выстроивъ роскошные чертоги,
Блуждаютъ, какъ въ лѣсу, разъединившись, въ нихъ,
Гдѣ въ каменныхъ домахъ, похожихъ на остроги,
Отребье нищенства сошлось въ углахъ сырыхъ,
Гдѣ часто человѣкъ, признавъ дѣтей обузой,
Мѣняетъ на развратъ супружескія узы.

IX.

Но на окраинахъ, гдѣ посреди заборовъ
Мелькаютъ гнѣздышки смиренной бѣдноты,
Селящейся вдали отъ постороннихъ взоровъ,
Старающейся скрыть заплаты нищеты,
Свершающей свой трудъ безъ жалобъ, безъ укоровъ,—
Встрѣчаются порой прекрасныя черты
Семей, сплотившихся на радости и горе,
На все, чѣмъ насъ даритъ тревожной жизни море.

X.

Когда я прохожу въ глухихъ мѣстахъ столицы,
Уснувшихъ въ полутьмѣ, объятыхъ тишиной,—
Давно минувшихъ дней событія и лица
Изъ мрака прошлаго встаютъ передо мной,
Какъ будто кто-то вдругъ опять открылъ страницы
Разсказовъ, вѣющихъ забытой стариной,
И слышу я, ловя воспоминанья эти,
Какъ спорятъ старики и какъ смѣются дѣти...

XI.

Вотъ этотъ бѣдный людъ, покончивши работы,
Стремится къ островамъ на утлыхъ челнокахъ,
На «Вольномъ» началась въ кругу друзей охота,
Обѣдъ готовится семьею на кострахъ,
Ребята плещутся въ рѣченкѣ безъ заботы,
Безпечность слышится въ ихъ звонкихъ голосахъ
И дѣвушки подъ громъ ружейной перестрѣлки
Плетутъ себѣ вѣнки и бѣгаютъ въ горѣлки.

XII.

Зима придетъ—и въ ней находится отрада:
Катанье на конькахъ, катанье съ снѣжныхъ горъ,
Игра наивная и въ фанты, и въ шарады,
О привидѣніяхъ вечерній разговоръ,
Пирушка съ танцами безъ думы про наряды,
Про угощенія,—а тамъ, глядишь, на дворъ
И Рождество идетъ: за много дней до ёлки
О ней уже идутъ таинственные толки.

XIII.

Но полно о пирахъ!—Рабочій людъ достоинъ
Всѣхъ этихъ праздниковъ за трудовые дни,—
Но самъ сегодня я и боленъ, и разстроенъ
И въ памяти моей проходятъ не они,
Не эти пиршества: на грустный ладъ настроенъ
Мой раздраженный мозгъ; онъ призраки одни
Угрюмые зоветъ изъ тьмы гробовъ, упрямый,
И вижу сцены я одной забытой драмы.

XIV.

Я вспомнилъ, какъ дѣтьми мы бѣгали толпами
За женщиной одной по улицамъ пустымъ:
Худая, желтая, съ потухшими глазами,
Смотрѣвшими на все съ безсмысліемъ тупымъ,
Вся въ бѣломъ, съ головой, украшенной цвѣтами,
Она казалася намъ призракомъ живымъ.
Но, кроткая всегда, она насъ не пугала
И только градъ однѣхъ насмѣшекъ вызывала.

XV.

Порой рѣшались мы вступать съ ней въ разговоры
И, улыбаяся, твердила намъ она:
«А гдѣ же мой женихъ?.. Вѣнчаться нужно скоро!..
Такъ невозможно жить!.. Опять пройдетъ весна,
А я уже и такъ...» И, потупляя взоры,
Какъ бы стыдливости дѣвической полна,
Она смолкала вдругъ... Но мы не понимали
Отрывистыхъ рѣчей и громко хохотали.

XVI.

Услышавъ этотъ смѣхъ, испуганно, бывало,
Вся задрожитъ она, бѣжитъ стремглавъ отъ насъ
Со стономъ: «Осмѣялъ и выгналъ!» И звучала
Тоска въ ея словахъ и видѣлъ я не разъ,
Какъ блѣдность страшная лице ей покрывала,
Какъ слезы въ три ручья изъ потускнѣвшихъ глазъ
Катились по лицу... Но, дѣти, мы едва-ли
Жестокость шутокъ злыхъ въ тѣ годы сознавали.

XVII.

«Невѣста-дурочка» была намъ всѣмъ знакома,
Мы знали, что живетъ она почти одна
Съ старушкой-няней, что изрѣдка изъ дома,
И то украдкою, скрывается она,
Что въ дни какого-то ужаснаго погрома
Была ея семья въ могилу сведена
И что одна она случайно уцѣлѣла,
Чтобъ грустно жизнь влачить безъ смысла и безъ дѣла.

XVIII.

Мы знали это все, но въ горькое значенье
И въ смыслъ таинственный житейскихъ бурь и драмъ
Мы не могли вникать въ тѣ годы, безъ сомнѣнья,
И скорби дѣтскія понятнѣй были намъ,
Чѣмъ горе взрослаго... Порой при появленьи
«Невѣсты-дурочки» мы поднимали гамъ,
А послѣ... послѣ насъ «лошадки» занимали
И помыслы о ней безслѣдно исчезали...

XIX.

Но разъ—въ то время я давно учился въ школѣ
И съ жадностью читалъ—въ вечерней тишинѣ
Когда насъ, горожанъ, изъ комнатъ душныхъ въ поле
Зоветъ весна, я шелъ въ какомъ-то полуснѣ
Въ мечтахъ о бѣднякахъ, живущихъ въ горькой долѣ,
Томящихся, какъ я, тоскою по веснѣ,—
Какъ вдругъ на улицѣ, гдѣ все стихало рано,
Послышалася мнѣ игра на фортепьяно.

XX.

То были тихіе, ласкающіе звуки,
Въ нихъ слышалась одна безмѣрная печаль,
Какъ будто бы душа, подъ гнетомъ тяжкой муки,
Стремилась улетѣть въ невѣдомую даль,
Туда, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни жалобъ, ни разлуки,
И сдѣлалося мнѣ невыразимо жаль
Того, кто могъ вдохнуть въ плохіе клавикорды
Такіе горькіе, рыдавшіе акорды.

XXI.

Я посмотрѣлъ кругомъ. Стоялъ передо мною
Вроставшій въ землю домъ; въ одномъ окошкѣ въ немъ
Горѣли двѣ свѣчи; съ поникшей головою,
Въ одеждѣ бѣлой вся, съ измявшимся вѣнкомъ
На черныхъ волосахъ, блестѣвшихъ сѣдиною,
Сидѣла женщина... И вотъ въ умѣ моемъ
При видѣ этого несчастнаго созданья
Воскресли дѣтскія мои воспоминанья.

XXII.

«Невѣста-дурочка», шепталъ я машинально,
Бросая на нее свой взглядъ изъ темноты.
Она-жь имѣла видъ по прежнему печальный
И только сморщились лица ея черты,
Да пожелтѣлъ совсѣмъ нарядъ ея вѣнчальный,
Да вовсе смялися вѣнка ея цвѣты...
И пробудилося въ душѣ моей желанье
Узнать все прошлое несчастнаго созданья...

XXIII.

О, жизнь ея была простой, не хитрой сказкой
О спавшей крѣпкимъ сномъ царевнѣ молодой
И о царевичѣ-красавцѣ, съ нѣжной лаской
Развѣявшемъ на вѣкъ тотъ сонъ живой водой,
Безъ всякихъ думъ о томъ, какой грозитъ развязкой
Запретная любовь, пришедшая съ весной
И улетѣвшая съ сухими лепестками
Цвѣтовъ, оборванныхъ осенними вѣтрами.

XXIV.

Міръ мелкихъ радостей и будничныхъ лишеній
Достался ей въ удѣлъ. Сегодня, какъ вчера,
Жизнь проходившая безъ рѣзкихъ измѣненій,
Обычной колеей, по буднямъ трудъ съ утра,
Затишье полное безъ всякихъ развлеченій
И отдыхъ въ праздники — вотъ какъ прошла пора

Ея цвѣтущихъ лѣтъ. Она подчасъ скучала,
Но на иную жизнь здѣсь средствъ не доставало.

XXV.

Порой ее душилъ приливъ тоски неясной,
Туманной и тупой. Хотѣлось ей узнать:
Вездѣ ли такъ живутъ, какъ въ ихъ глуши злосчастной,
Гдѣ можно всѣ дома по пальцамъ сосчитать,
Гдѣ потонуть легко въ грязи порой ненастной
И гдѣ поцѣлымъ днямъ порою не видать
Ни одного лица?.. И вотъ однажды гдѣ-то
Случайно удалось дождаться ей отвѣта.

XXVI.

На «Вольномъ» островѣ, подъ мирной сѣнью храма
Или на улицѣ какой-нибудь глухой
Впервые началъ ей нашоптывать упрямо
Про жизнь блестящую красавецъ молодой,—
Не знаю,—но узналъ я, что начало драмы
Совпало съ чудною, душистою весной,
Когда уже цвѣсти готовились сирени
И люди въ душный день лѣсной искали тѣни.

XXVII.

Всегда довѣрчиво встрѣчаютъ ласку дѣти,
Готовыя открыть на первый зовъ любви
Свои объятія, и не они въ отвѣтѣ,
Когда имъ негодяй, скрывъ замыслы свои,
Рукой ласкающей хитро разставитъ сѣти
И, обагривъ себя въ невинной ихъ крови,
Ихъ нагло осмѣетъ и безсердечно броситъ...
О, счастье, если смерть ихъ въ этотъ мигъ подкоситъ!

XXVIII.

И дѣвушка дошла нежданно до паденья:
Прогулка тайная въ одинъ изъ вешнихъ дней
Съ красавцемъ-юношей, святыя увѣренья
И ласки нѣжныя въ глуши пустыхъ аллей,
Блаженство новое минутнаго забвенья
Въ объятіяхъ грѣющихъ... И сердце сжалось въ ней,
Когда она отъ грезъ очнулась! Но, счастливый,
О счастьи говорилъ онъ такъ краснорѣчиво!

XXIX.

Онъ путь нашелъ въ ихъ домъ, чтобъ участить свиданья,
Чтобы встрѣчаться съ ней свободно, не тайкомъ,
На свадьбу близкую давалъ онъ обѣщанья
И страстно говорилъ, что, какъ въ раю земномъ,
Волшебнымъ станетъ спомъ для нихъ существованье,
Она же по ночамъ молилась объ одномъ,
Чтобъ только поскорѣй все это совершилось...
Подъ сердцемъ у нея дитя въ то время билось...

XXX.

Но вотъ онъ вдругъ исчезъ. Проходятъ дни, недѣли,
А отъ него къ ней нѣтъ ни писемъ, ни вѣстей.
Съ слезами на глазахъ, съ какой-то дрожью въ тѣлѣ,
Предчувствій злыхъ полна, она не спитъ ночей.
Онъ боленъ, можетъ быть? Онъ умеръ? Неужели
Въ тупомъ невѣдѣньи изныть придется ей?
И тайный голосъ ей шепталъ въ минуты горя:
«Иди, ищи его хотя на днѣ-бы моря!»

XXXI.

Онъ скоро былъ найденъ: «Онъ вовсе не былъ боленъ,
Но у него нашлись семейныя дѣла;
Отецъ, узнавъ про все, остался недоволенъ,
Мать разрѣшенія на бракъ ихъ не дала;
Зависитъ онъ отъ нихъ и потому не воленъ
Располагать собой. Но все таки мила
Она ему... И онъ ей, своему кумиру,
Сейчасъ готовъ нанять отдѣльную квартиру»...

XXXII.

Онъ долго говорилъ; и пошлымъ, и небрежнымъ
Сталъ тонъ его рѣчей; ихъ связь и ихъ любовь
Онъ назвалъ шалостью съ цинизмомъ безмятежнымъ;
Шутилъ онъ, что, боясь супружескихъ оковъ,
За лучшее онъ счелъ остаться другомъ нѣжнымъ;
Онъ цаловалъ ее... А въ ней застыла кровь,
Ей сдѣлалося вдругъ такъ тяжело, такъ жутко...
Что-жь это: страшный сонъ? безжалостная шутка?

XXXIII.

Нѣтъ, это истина, дѣйствительность! Но что же
Ей дѣлать далѣе? Ея отецъ и мать
Не знаютъ ничего? Она всего дороже
Для бѣдныхъ стариковъ. Какъ все имъ передать,
Какъ подготовить ихъ? Да научи же, Боже,
Какъ пережить позоръ!.. Не лучше ли порвать
И горькой жизни нить и бѣдное созданье,
Подъ сердцемъ спящее, избавить отъ страданья?..

XXXIV.

И вотъ на берегу Обводнаго канала
Безъ чувствъ, вся мокрая, покоилась она,—
Надъ нею праздная толпа людей стояла,
Шли толки, какъ мужикъ къ ней бросился съ челна,
Когда ее вода совсѣмъ ужь покрывала,
Какъ онъ нырнулъ за ней чуть чуть что не до дна,
И кто-то сообщалъ толпѣ словоохотной,
Что этой барышни семья живетъ въ Заротной...

XXXV.

Случалося ли вамъ переживать мгновенье,
Когда при васъ бѣднякъ рѣшался оборвать
Тяжелой жизни нить? Въ порывѣ увлеченья
Бросалися ли вы несчастнаго спасать?
Не тяготило-ль васъ потомъ въ уединеньи
Желанье страстное подробно разузнать,
Чѣмъ поминаетъ васъ бѣднякъ, спасенный вами
И снова плачущій горючими слезами?

XXXVI.

И эта дѣвушка осталася едва-ли
Признательной тому, кто жизнь вернулъ ей вновь:
Отецъ и мать ее за грѣхъ не укоряли,
Но лица стихнувшихъ, убитыхъ стариковъ
Такою горестью безмолвною дышали,
Что въ сердцѣ у нея порою стыла кровь
И становилось ей и больно, и обидно,
Что миръ семьи она разрушила постыдно.

XXXVII.

Еще недавно такъ здѣсь, въ тишинѣ завѣтной,
Жилось ей такъ легко? Ее встрѣчали всѣ
Съ улыбкой ясною и лаской привѣтной.
Шли толки иногда по вечерамъ въ семьѣ
О томъ, что дни впередъ несутся незамѣтно,
Что дочь становится невѣстою вполнѣ,
Что людямъ Господомъ дается за утраты
Награда лучшая въ дни старости: внучата.

XXXVIII.

Бывала, правда, ей и скука здѣсь извѣстна,
Однообразіемъ томила жизнь подчасъ,
Но мать ея въ тѣ дни, съ улыбкою чудесной
Ласкаля нѣжно дочь, твердила ей не разъ:
«Конечно, мы живемъ не весело, но честно.
Никто насъ не клянетъ, не плачетъ изъ за насъ
И каждому сказать, въ лице смотря, мы смѣемъ,
Что нажито трудомъ все то, что мы имѣемъ!»

XXXIX.

Ну, а она? Чего она еще желала?
Какія радости ей грезились тогда,
Когда она ему въ смущеніи внимала,
Когда онъ говорилъ, что лучшие года,
Что молодость она безплодно убивала
Среди тупой тоски и мелкаго труда?..
Ей это все теперь на память приходило,
А домъ ихъ былъ теперь безмолвенъ, какъ могила.

XL.

И смѣхъ живой въ немъ смолкъ, и не срывалась шутка
Ни у кого въ семьѣ, и дѣвушкѣ подчасъ
Казалось, что она лишается разсудка,
Что на нее глядятъ съ насмѣшкой сотни глазъ,
Что надо ей бѣжать... Но вотъ ея малютка
Явилась мертвою на свѣтъ. На этотъ разъ
Ударъ слѣпой судьбы и мѣтокъ былъ и вѣренъ:
Разсудокъ дѣвушки несчастной былъ потерянъ.

XLI.

Что было далѣе? Убравъ себя цвѣтами,
Одѣвшись въ бѣлое, съ улыбкою она
Всѣмъ стала говорить, что нынче-жь въ Божьемъ храмѣ
Съ любимымъ женихомъ предстать она должна,
Что скоро домикъ ихъ наполнится гостями,
Такъ какъ и музыка на балъ приглашена...
А къ вечеру она металась и рыдала:
«Опять осталась я безъ свадебнаго бала!»

XLII.

Въ года минувшие не малыя лишенья
Съумѣла вынести, трудясь, ея семья
Съ надеждой твердою, что дней отдохновенья
Она на старости дождется для себя.
Теперь же старикамъ пришлось сносить мученья
Безъ радужныхъ надеждъ, тоскуя и скорбя,
Съ одною думою, что благо бы имъ было,
Когда-бы поскорѣй ихъ приняла могила.

XLIII.

Смерть не замедлила покончить испытанья:
Закрыли старики на вѣкъ глаза свои,
Оставивъ на землѣ то бѣдное созданье,
Которому толпа дала у насъ въ глуши
«Невѣсты-дурочки» печальное названье,
Такъ тѣшившее насъ, дѣтей, въ былые дни,
Когда за дурочкой мы бѣгали толпами...
Вотъ все, что я узналъ объ этой скорбной драмѣ.

XLIV

Я былъ въ то время юнъ, но жизненныя грозы
Успѣли пронестись зловѣще надо мной,
Не дѣтскія уже мной проливались слезы,
Когда объято все бывало тишиной,
Уже изъ міра слезъ таинственныя грезы
Меня манили въ даль, въ какой-то край иной,
Гдѣ лучезарнѣй жизнь, и потому, быть можетъ,
Сочувствовалъ я тѣмъ, кого страданье гложетъ.

XLV.

Какъ пажъ, несмѣющій и думать о свиданьи
Съ своей возлюбленной, передъ ея окномъ
Томится по ночамъ,—я чувствовалъ желанье
Въ вечерніе часы взглянуть на ветхій домъ
На эту женщину въ вѣнчальномъ одѣяньи,
Съ давно поблекнувшимъ и смявшимся вѣнкомъ,
И эхомъ сладостнымъ моей сердечной муки
Казались мнѣ ея игры тоскливой звуки.

XLVI.

Печальную судьбу ея припоминая,
Я началъ понимать, что бѣдный, честный людъ
Ни тяжкіе труды, ни бѣдность роковая
И ни лишенія вседневныя гнетутъ,
А козни ближняго, безбожно разрушая
Все то, что создаетъ упорный долгій трудъ,
И тотъ, кто цѣлый вѣкъ бороться могъ съ судьбою,
Порою падаетъ предъ злобою людскою.

XLVII.

И часто я въ тѣ дни въ душѣ молился Богу
За этихъ въ тишинѣ живущихъ бѣдняковъ,
Чтобъ Онъ очистилъ ихъ житейскую дорогу
Отъ гнусныхъ замысловъ и происковъ враговъ,
Чтобъ не пришлося имъ испытывать тревогу
За будущность плода безсонныхъ ихъ трудовъ,
Чтобъ то, что у судьбы въ бою тяжеломъ взято,
Не сгибло отъ руки бездушнаго ихъ брата...

XLVIII.

Такъ пронеслась весна, такъ пролетѣло лѣто.
Мнѣ становилось жить все хуже, все труднѣй,
Короче сталъ досугъ, едва не до разсвѣта
Работать долженъ былъ я въ тишинѣ ночей
И только изрѣдка тайкомъ во время это
Я вырывался вновь къ волшебницѣ своей...
Но вотъ я разъ пришелъ: не слышно фортепьяно,
Окно завѣшено, все стихло какъ-то странно...

XLIX.

«Кого вамъ?» предложилъ вопросъ мнѣ грубо кто-то
Стоявшій у воротъ.—«Хозяйку».—«Умерла!»
Послышался отвѣтъ. Я проскользнулъ въ ворота,

Пробрался въ домикъ къ ней. Она, какъ воскъ,
бѣла,
Лежала на столѣ. И скорби, и заботы
Исчезъ послѣдній слѣдъ съ холоднаго чела,
Какъ будто бы она въ нарядѣ подвѣнечномъ
Забылась сладкимъ сномъ въ блаженствѣ безко-
нечномъ.

Салоны въ Германіи.

Ст. **Диллетанта.**

Такъ называемые политическіе и литературные «салоны» восемнадцатаго и начала девятнадцаго столѣтія играли значительную роль въ умственномъ движеніи Франціи и были самымъ блестящимъ хотя, можетъ быть, и нѣсколько искуственнымъ проявленіемъ общественной жизни французовъ. Гостинныя г-жъ Жофренъ, Леспинасъ, де-Сталь и Рекамье были центрами, вокругъ которыхъ группировались разрозненные элементы политическаго и литературнаго міра; на этихъ нейтральныхъ пунктахъ встрѣчались и сближались различныя мнѣнія, безъ рѣзкости въ проявленіяхъ, примиряемыя улыбкой и любезностью привѣтливой и умной хозяйки. Въ этихъ умственныхъ центрахъ свѣтской парижской жизни вырабатывалось медленно, но прочно то общественное мнѣніе, которое впослѣдствіи сдѣлалось господствующимъ элементомъ французской общественной жизни.

Было-бы, однакожь, большою ошибкою предполагать, что подобные центры умственной и культурной жизни возможны только во Франціи. Послѣ первой французской революціи, среди возникающаго, новаго міра, съ возникновеніемъ новыхъ идеаловъ и стремленій, общественная жизнь быстро стала развиваться въ Европѣ и однимъ изъ самыхъ любопытныхъ примѣровъ свѣтскаго центра политическихъ и литературныхъ кружковъ можно считать гостиную г-жи Рахили Варнхагенъ фонъ-Энзе, въ Берлинѣ, въ первой половинѣ XIX столѣтія. Вообще мы слишкомъ мало знаемъ общественную жизнь Германіи; мы знакомы съ литературой и политикой нѣмцевъ, но едва-ли имѣемъ ясное и опредѣленное понятіе объ ихъ культурной жизни. Вотъ почему мы вообще привыкли думать, что собственно «гостиная» въ французскомъ значеніи этого слова невозможна въ Германіи. Это—большое заблужденіе. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить пріемы у Рахили Варнхагенъ. У ней въ опредѣленные дни, какъ и у г-жи Сталь и у Рекамье, бывали знаменитые ученые, политическіе дѣятели, художники, мыслители. Въ этой гостиной втеченіи весьма долгаго времени сосредоточивалась вся умственная и культурная жизнь Германіи и, когда мы вспомнимъ, что въ это время Германія переживала одну изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ эпохъ своей исторической жизни,—борьбу съ Наполеономъ,—то мы поймемъ, какъ велико должно было быть значеніе центра, созданнаго г-жею Варнхагенъ.

Само собой разумѣется, что особенности германской культуры и направленіе этой бурной эпохи придали «гостиной» г-жи Варнхагенъ оттѣнокъ, не встрѣчающійся въ подобныхъ же центрахъ Франціи и Англіи. То была эпоха наивнаго, полу-мистическаго, крайне экзальтированнаго лиризма и, если этотъ лиризмъ въ литературной сферѣ и въ особенности у Жанъ-Поля Рихтера привелъ къ страннымъ, но во всякомъ случаѣ блестящимъ результатамъ, то и общественная жизнь высшихъ классовъ нѣмецкаго общества не избѣгла его вліянія. Современная Германія питаетъ самый горячій культъ къ женщинѣ, которая не принадлежала, собственно говоря, къ высшему кругу общества, не блестѣла талантомъ и которая, по сознанію мужа, не отличалась даже красотой (nicht durch Stand und Namen, noch durch Schönheit).

Рахиль Левинъ еврейскаго происхожденія, родилась въ Берлинѣ въ 1771 году, вышла замужъ за извѣстнаго критика Варнхагена фонъ-Энзе и умерла въ 1833 году. Жизнь ея не представляетъ никакого внѣшняго интереса; она не участвовала ни косвенно, ни прямо ни въ одномъ изъ политическихъ и общественныхъ событій того времени, ничего не писала (за исключеніемъ писемъ, изданныхъ впослѣдствіи ея мужемъ), имя ея не было окружено никакимъ шумомъ; но Берлинъ и Германія любили ее. Мало по малу, вокругъ нея стали группироваться самые разнородные элементы, лучшіе представители германскаго общества и ея гостиная вскорѣ сдѣлалась обычнымъ мѣстомъ, служившимъ какъ бы пунктомъ сближенія и примиренія для общества, уставшаго въ борьбѣ. И когда, въ 1833 году, ея мужъ издалъ письма, адресованныя къ ней и писанныя ею, тогда всѣ поняли, благодаря какимъ именно личнымъ и индивидуальнымъ качествамъ, Рахиль съумѣла создать въ Германіи «гостиную» на манеръ французскихъ гостиныхъ XVIII столѣтія.

Вотъ какимъ образомъ ея мужъ разсказываетъ первую свою встрѣчу съ нею: «Мнѣ описали ее, какъ женщину весьма замѣчательную, какъ первобытный характеръ во всей своей чистотѣ, силѣ и божественномъ величіи. Я поэтому ждалъ ея появленія съ большимъ интересомъ. Наконецъ, она вошла. Я увидѣлъ женщину, худощавую, граціозную, небольшого роста, прекраснаго сложенія, проницательный взглядъ ея глазъ, подернутыхъ поволокой, заставлялъ предполагать значительный умъ. На ней было черное шелковое платье и она точно скользила по паркету, какъ тѣнь. Но сколько свободы и граціи въ движеніяхъ! Болѣе всего, однакожь, поразилъ меня обворожительный звукъ ея голоса, исходившаго, такъ сказать, изъ глубины души и придававшаго особенную прелесть бесѣдѣ съ нею. Ничего подобнаго я прежде не слыхалъ. Наивность и большой умъ, любезность и тактъ, своеобразность мнѣній, блестящія и глубокія идеи,—тутъ все было. Чувствовалось, что ея женская воля была скована точно изъ бронзы; но въ тоже время сколько въ ней было мягкости и привѣтливости! Не было такого человѣка, который, бесѣдуя съ нею, не чувствовалъ бы себя на верху блаженства... Много событій пережилъ я... но ни одно событіе, ни одно открытіе въ душевной ли жизни или во внѣшнемъ мірѣ не можетъ быть сравнено съ этимъ первымъ свиданіемъ...»

Я нѣсколько сгладилъ излишнюю, чисто нѣмецкую экзальтацію выраженій Варнхагена, но несомнѣнно, что кто хочетъ познакомиться вполнѣ съ Германіей, тотъ долженъ ее изучать въ письмахъ Рахили и ея друзей. Французское «благерство» какого-нибудь Виктора Тиссо или тяжеловѣсныя путешествія англичанъ, разъѣзжающихъ по Германіи съ Бедекеромъ въ рукахъ, не могутъ дать понятія объ умственной жизни германскаго общества. Въ особенности это справедливо по отношенію къ первой половинѣ XIX столѣтія, когда метафизика, сантиментальность, политика, поэзія, лиризмъ смѣшиваются въ одно своеобразное и оригинальное цѣлое. Письма Рахили Варнхагенъ и ея друзей носятъ на себѣ именно этотъ странный характеръ. Это—какъ бы дѣйствительное и звучное эхо нѣмецкаго общества, начиная съ 1800 по 1836 годъ. Читая письма Рахили къ Гумбольду, Мюллеру, Генцу, присутствуешь какъ бы при образованіи идей и чувствъ, которыя выразились такимъ блестящимъ расцвѣтомъ въ нѣмецкой литературѣ и метафизикѣ тридцатыхъ годовъ.

Въ настоящее время это уже потухшій и мертвый міръ, весьма мало похожій на міръ положительныхъ идеаловъ нашего времени. Обыкновенно сильное умственное движеніе предшествуетъ политическимъ революціямъ. Политическая буря, приготовлявшаяся во Франціи, въ значительной степени волновала умы въ Германіи. Лессингъ писалъ своего Натана и Эмилію Галлоти, гдѣ освобождающія идеи играютъ такую значительную роль; въ этомъ же направленіи работали Гердеръ, Фихте, Эмануилъ Кантъ. Нѣмецкая молодежь наполняла университеты, встрѣчая съ восторгомъ Гумбольда, Виланда, Тика, Жанъ-Поль Рихтера и поклоняясь Гете и Шиллеру. Лессингъ въ своемъ Лаокоонѣ показалъ силу анализа, примѣненнаго къ объясненію произведеній искуства; Фридрихъ Шлегель примѣнялъ тотъ же аналитическій методъ къ объясненію Шекспира. Наиболѣе яркое и живое выраженіе этого умственнаго возбужденія можно было встрѣтить въ гостиной Рахили Варнхагенъ фонъ-Энзе, благодаря особеннымъ качествамъ блестящей и умной хозяйки. Безъ педантства и напыщенной серьезности она касалась въ дружеской бесѣдѣ самыхъ важныхъ предметовъ, вопросовъ религіи, философіи, искуства и литературы. Тѣ же особенности ума встрѣчаются и у ея знаменитой современницы, г-жи Сталь. Великій Гете, весьма мало склонный преувеличивать значеніе женскаго ума, называлъ ее: «великодушной женщиной». «Она необыкновенно сильно чувствуетъ, но то, что чувствуетъ, выражаетъ въ легкой и блестящей формѣ. Первое изъ этихъ качествъ дѣлаетъ ее величавой; второе—симпатичной. Она привлекаетъ къ себѣ силой необыкновенной оригинальности. Она всегда естественна, но въ тоже время всегда нова; ея внѣшность всегда спокойна, но она принадлежитъ къ разряду тѣхъ душъ, которыя можно было бы назвать прекрасными. Чѣмъ больше ее знаешь, тѣмъ больше привязываешься къ ней».

А между тѣмъ она не была хороша собой; въ ея обыкновенномъ лицѣ не было ничего особенно привлекательнаго, но это не мѣшало сравнивать ее съ античной статуей. Когда однажды кто-то сравнилъ ее съ Ифигеніей Гете, — Гуальтерн сказалъ: «Что можетъ быть общаго между нею и дочерью Агамемнона, если не то нѣчто, что мы называемъ божественнымъ? Ифигенія отличается только прекрасными внѣшними формами, между тѣмъ какъ у Рахили есть душа, которая въ состояніи украсить самыя неправильныя черты!» И замѣчательно, что такъ восторженно выражался не какой-нибудь модный берлинскій франтъ, а угрюмый воинъ, ненавидѣвшій лесть и комплименты. Такой отзывъ стараго солдата покажется тѣмъ болѣе удивительнымъ, когда мы вспомнимъ нѣмецкіе нравы того времени, солдатскія манеры, введенныя въ моду потсдамскимъ дворомъ среди распущенности и оргій восемнадцатаго столѣтія въ Германіи.

Но Германія того времени представляетъ всевозможныя противорѣчія. Рядомъ съ этой свѣтской распущенностью и развратомъ начинаетъ проникать въ Германію утонченность и элегантность французскаго «великаго» вѣка. Но на нѣмецкой почвѣ этотъ «великій» вѣкъ принимаетъ своеобразный оттѣнокъ мѣщанства съ примѣсью того мечтательнаго сантиментализма, который такъ свойственъ вообще нѣмцамъ всѣхъ временъ и всѣхъ сословій. Въ хитромъ дипломатѣ вы видите мечтательнаго Вертера, въ генералѣ скрытъ философъ, въ банкирѣ—поэтъ. Обратите вниманіе, напр., на Генца, этого стараго друга Питта, Стадіона и Меттерниха, замѣчательнаго дипломата, засѣдавшаго на вѣнскомъ конгресѣ. Этотъ дипломатъ съ восторгомъ и юношескимъ увлеченіемъ говоритъ о французской революціи, о Камиль Демуленѣ и въ особенности о Наполеонѣ и, между прочимъ, пишетъ Рахили Варнхагенъ:

«Божественный ангелъ! Существуетъ-ли на землѣ языкъ, на которомъ къ вамъ можно обращаться? Есть-ли возможность отвѣчать вамъ?

Ужь не рѣшили-ли вы сдѣлать меня сумасшедшимъ? Гдѣ ты, мое глубокое, проницательное благоразуміе? Гдѣ вы, мое знаніе, твердость, стоицизмъ? Сколько разъ я говорилъ: вы — величайшее существо на землѣ. Гдѣ найдти другое созданіе, способное, подобно вамъ, такъ любить, мыслить, болтать и писать? Великій ораторъ, передъ которымъ я падаю ницъ, и тѣмъ не менѣе осмѣливаюсь любить!.. Каждое ваше слово заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ идей... Вы называете меня ребенкомъ; это самое благородное, самое нѣжное названіе, которое вы могли только дать мнѣ, но развѣ не вы одни сдѣлали меня ребенкомъ? Развѣ вы не помните, на сколько я выросъ и созрѣлъ и какъ потомъ снизошелъ я къ дѣтскому возрасту, — въ благоуханной атмосферѣ, которая васъ окружаетъ? Вы вдохнули въ меня жизнь, какъ дѣти надѣляютъ новою жизнью стариковъ, когда спятъ въ ихъ объятіяхъ. Не правъ-ли я, что не хочу вамъ писать? Если бы я умѣлъ писать такъ, какъ вы пишете, — тогда другое дѣло. Но что я говорю? развѣ вы пишете? Ваши письма, — это одушевленныя существа, имѣющія прекрасныя руки, бѣлыя и нѣжныя, маленькую ножку, божественные глаза, пурпурныя губы... И я буду отвѣчать на такія письма? Никогда! Никогда!..»

Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «Люди могутъ-ли писать такъ, какъ вы пишете? Боги могутъ-ли?— Сомнѣваюсь. Такимъ языкомъ могутъ писать только существа, поставленныя небомъ между нимъ и нами, наивныя, какъ дѣти, великія, какъ геній, возвышенныя души — зеркала, въ которыхъ отражается всяческая глубина и всяческое величіе; щедрые умы, сѣющіе благородныя мысли и возвышенныя чувства... Вы такъ пишете, Рахиль; одни только Рахили имѣютъ подобный даръ... Боже мой! какъ велико счастіе быть старикомъ и въ тоже время имѣть возможность еще увлекаться вашими письмами, какъ прежде я увлекался вашею божественною рѣчью! Старикъ!.. Благодареніе Господу, — я никогда имъ не буду, а по временамъ я становлюсь моложе... Какъ меня не питаютъ здѣсь всякою пошлостью, — я вдыхаю въ себя амврозію и не потерялъ еще воспоминанія о ней...»

Такъ писалъ въ 1814 году среди всеобщаго потрясенія Европы Фридрихъ Генцъ,—одинъ изъ

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

Г-жа ФЕДОТОВА.

людей, опредѣлявшихъ политическое движеніе девятнадцатаго столѣтія. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ Рахили:

«Знаете-ли вы, почему наши отношенія были всегда такъ дружественны и близки? Потому, что вы всегда производите, а я всегда поглощаю. Вы, сударыня, — великій человѣкъ, а изъ всѣхъ жившихъ женщинъ, я—несомнѣнно, самая первая женщина. Вотъ что я думаю. Если бы я былъ физической женщиной, то міръ, несомнѣнно, былъ бы у моихъ ногъ. Я никогда ничего не выдумалъ, ничего не создалъ, ничего не выполнилъ. Обратите на это вниманіе: это очень странно. Изъ самого-себя я не въ состояніи извлечь самой слабой искры. Я лишенъ электричества, какъ металъ; но какъ проводникъ электричества,—со мною никто не можетъ сравниться. Вы же, вашей вѣчной, могучей, плодотворной натурой, вы возбуждаете мою пассивную натуру и, такимъ образомъ, мы носимъ въ себѣ оба идеи и чувства, никому невѣдомыя».

Таковъ тонъ всей переписки Генца съ г-жею Варнхагенъ фонъ-Энзе. Этотъ тонъ можетъ поразить въ настоящее время наивной, незнающей мѣры восторженностью, въ особенности со стороны стараго дипломата, участвовавшаго во всѣхъ политическихъ передрягахъ тогдашняго времени. Но въ началѣ нынѣшняго столѣтія и въ Германіи этотъ тонъ былъ обычнымъ тономъ и тѣмъ менѣе онъ могъ показаться страннымъ по отношенію къ Рахили, которая возбуждала не въ одномъ только Генцѣ такое восторженное, почти фанатическое поклоненіе.

Полную и живую характеристику этой, во всякомъ случаѣ, необыкновенной женщины теперь довольно трудно сдѣлать. Для печати она никогда ничего не писала, а отзывы ея друзей, во всякомъ случаѣ, слишкомъ восторженны; но ея письма къ друзьямъ, знакомымъ, какъ и большинство вообще частныхъ писемъ, отражаютъ въ себѣ минутное настроеніе; въ нихъ мы находимъ какъ бы блѣдный отпечатокъ цѣлой жизни и исторію души; соображенія и сентенціи перемѣшаны съ разсказомъ, затѣмъ слѣдуютъ разсужденія о томъ или другомъ предметѣ и въ концѣ концовъ въ умѣ читателя начинаютъ возникать живыя черты эпохи. Нѣчто подобное представляютъ собою письма г-жи Севинье. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всеобщую славу этихъ писемъ, — они мало интересны по той простой причинѣ, что, не смотря на весь блестящій умъ г-жи Севинье, — эти письма поражаютъ своею безсодержательностью. Подробности и дрязги частной жизни въ концѣ концовъ утомляютъ. Во всѣхъ этихъ письмахъ невольно видишь положительную парижанку, свѣтскую женщину съ большимъ тактомъ, человѣка практическаго и дѣловаго, разсудительнаго и остроумнаго, но прежде всего и главнымъ образомъ, видишь француженку, нѣсколько сухую, любящую посплетничать и позлословить, интересующуюся только тѣмъ, что непосредственно и практически ее касается. Подобные характеры при значительномъ тактѣ и сдержанности могутъ быть пріятны, но рѣдко симпатичны. Для того, чтобы возбудить въ себѣ интересъ и сочувствіе, необходимо быть менѣе эгоистичнымъ, имѣть болѣе обширный кругозоръ мысли. Въ этомъ отношеніи Рахиль Варнхагенъ — вполнѣ нѣмка. По ея мнѣнію, человѣкъ, взятый въ отдѣльности, можетъ быть сравненъ съ тѣми зернышками, которыя, соединенныя вмѣстѣ, образуютъ гранату, «частичка великаго цѣлаго», и она уважаетъ его на столько, на сколько онъ умѣетъ понять это свое положеніе. Но достичь этого, по ея мнѣнію, возможно только умомъ, открытымъ для всякаго знанія и сочувственно относящимся ко всѣмъ великимъ интересамъ человѣчества.

У Рахили Варнхагенъ мы встрѣчаемъ и другую черту, лежащую, можно сказать, въ основѣ нѣмецкаго современнаго характера: значительно развитую способность къ рефлексу, ослабляющую предрасположеніе къ дѣятельности и къ дѣятельной, активной жизни. Сами нѣмцы сознаются, что эта черта составляетъ преобладающую особенность ихъ національнаго характера и на этомъ основаніи они считаютъ Гамлета олицетвореніемъ нѣмца, какъ онъ выработался въ историческихъ передрягахъ прошлаго. Эта черта поражаетъ также и въ письмахъ Рахили: малѣйшая подробность, всякая мелочь обыденной жизни служатъ ей предлогомъ для самыхъ оригинальныхъ выводовъ и заключеній. Въ этомъ отношеніи она составляетъ совершенную противоположность съ г-жею Севинье. Знаменитая француженка точно также интересуется мелочами, подробностями и дрязгами частной жизни, но эти мелочи и подробности интересуютъ ее, такъ сказать, сами по себѣ, имѣютъ для нея практическое и непосредственное значеніе, между тѣмъ какъ для Рахили Варнхагенъ онѣ являются только предлогомъ теоретической дѣятельности мысли, дѣятельности, можетъ быть, слишкомъ преобладающей въ ея умѣ. Вотъ, между прочимъ, образчикъ такого предрасположенія. Рахиль разсказываетъ семейную, дѣтскую сцену: ея маленькая сестра и братья обвиняются матерью въ томъ, что они написали свои имена на стѣнѣ лѣстницы. «Одинъ только Морицъ,—разсказываетъ Рахиль, запирался серьезно, говоря, что у него не было карандаша; этотъ отвѣтъ онъ давалъ на всѣ вопросы матери. «У меня не было карандаша», говорилъ онъ и не сходилъ съ этого пункта, а между тѣмъ краска на лицѣ обличала его виновность. Наконецъ, утомленный допросомъ, онъ дѣлаетъ нѣчто въ родѣ полусознанія. Но этого было недостаточно: мать хотѣла полнаго сознанія. Такого рода пытка возмущала меня... Я попробовала было обратить все это въ шутку, превратить допросъ въ нѣчто въ родѣ упражненія въ лганьѣ. «Говоря откровенно,—вмѣшалась я,—сознаніе я считаю лишнимъ: развѣ Морицъ не показалъ своего геройства, запираясь?» Но мать, принимая дѣло серьезно и дѣлая видъ, что не слышитъ моего возраженія, выступила съ моралью: «Не слѣдуетъ запираться, — говорила она, — слѣдуетъ всегда говорить: да, это я сдѣлалъ, я не зналъ, что это запрещено, и теперь, когда я знаю, то обѣщаюсь впредь не дѣлать». Обвиненный, не чувствуя важности преступленія, отвѣчалъ съ трогательною откровенностью, что онъ хотѣлъ попробовать, нельзя ли отдѣлаться этимъ полусознаніемъ. Этотъ случай навелъ меня на размышленіе. Я спрашивала себя: отчего дѣтямъ такъ строго запрещаютъ лгать въ то самое время, когда лгать дѣлается въ жизни необходимымъ, неизбѣжнымъ. Въ мірѣ, чтобы тамъ ни говорили, необходимо умѣть лгать... Неправда дѣйствуетъ на мнѣніе болѣе, чѣмъ думаютъ, а посредствомъ мнѣнія и на чувства. Систематическое и солидное изученіе этого искусства могло бы привести къ значительнымъ результатамъ. Скажу даже больше: въ рукахъ умныхъ и убѣжденныхъ людей это искусство превратилось бы въ цѣлую науку, противъ которой даже истина не устояла бы. Истина въ этомъ случаѣ принуждена была бы искать убѣжища въ сокровеннѣйшемъ уголкѣ сердца. Но наши лгуны — жалкіе лгуны, лгущіе безъ любви и вѣры. Нѣтъ ничего печальнѣе, какъ безполезная и неумѣлая неправда. Вотъ почему я думаю, что слѣдуетъ учить лгать, ввести это искусство въ воспитаніе, показать дѣтямъ, что это—трудная работа, портящая руки, и что поэтому ею не слѣдуетъ злоупотреблять...»

Читатель видитъ, до какой степени этотъ выводъ смѣлъ и парадоксаленъ: Рахиль, проповѣдующая неправду! но въ подобномъ рефлективномъ умѣ изъ-за парадокса мы сразу замѣчаемъ предрасположеніе и какъ бы любовь къ теоретическимъ выводамъ, иронію, удовольствіе слѣдить за развитіемъ мысли, показать всѣ ея логическія послѣдствія, можетъ быть, даже желаніе представить въ хорошо построенной карикатурѣ коренной порокъ нашего искуственнаго общества и несостоятельность нашего воспитанія. Во всякомъ случаѣ въ подобныхъ парадоксахъ нельзя не чувствовать рефлектирующаго и въ тоже время разочарованнаго жизнію ума, функціонирующаго систематически и логично, на подобіе Свифта и Гейне, и презирающаго мишуру фразъ и общихъ мѣстъ.

И дѣйствительно, между умомъ Гейне и умомъ Рахили есть много аналогіи: тѣже страстные порывы скептицизма и горечи, таже энергія, тоже неистощимое остроуміе. Она много страдала, такъ много, что прошедшее часто казалось ей какимъ то сновидѣніемъ и съ безпощадной иронiей Гейне она говорила по этому поводу: «въ жизни бываютъ минуты, когда почти замѣчаешь, что потерялъ». Но ея умъ напоминаетъ также и нѣкоторыя особенности Гете; подобно великому нѣмецкому поэту, она часто не обращаетъ вниманія на нравственныя заслуги, а ищетъ только философскую истину и пластическую красоту. Подобно ему, она развила въ себѣ нѣчто въ родѣ гетевскаго пантеизма и чувство античной пластики. Это же глубокое чувство классической древности объясняетъ до извѣстной степени ея поклоненіе передъ Гете, поклоненіе, доходящее по временамъ до настоящаго фанатизма. Маркизъ Кюстинъ, не раздѣлявшій этого безусловнаго поклоненія, однажды, высказалъ ей это, упрекая ее въ томъ, что ради Гете она забываетъ одно изъ отличительныхъ своихъ качествъ, — любовь къ независимости. На это Рахиль съ улыбкой отвѣчала, что она независима только по отношенію къ пошлости, но что геній имѣетъ надъ нею безусловную власть. По отношенію къ Гете ей, однакожь, не посчастливилось: познакомилась она съ нимъ очень поздно, спустя долгое время послѣ своего брака съ Варнхагеномъ, тогда отсутствовавшемъ и которому она разсказываетъ свое знакомство слѣдующимъ образомъ: «Я только что встала; было уже довольно поздно, — около девяти часовъ утра. Въ то время, какъ я начала одѣваться, является Дора съ визитной карточкой въ рукѣ и говоритъ, что какой-то господинъ желаетъ меня видѣть, но его время разсчитано и ждать онъ не можетъ. Я смотрю на карточку и читаю: «Тайный совѣтникъ фонъ-Гете». Представь себѣ мой восторгъ, мое счастье и въ тоже время мой ужасный костюмъ и нечесаные волосы. Дора бросаетъ мнѣ въ попыхахъ что-то на спину, я спускаюсь внизъ, точно шальная, но полная счастья. Само-собой разумѣется, что въ видѣ вступленія я говорю какую-то пошлость. «Во Франкфуртѣ,—говорю я,—я за вами бѣгала, лишь бы только увидѣть васъ». Фраза нелѣпая и глупая,— я знаю; но неожиданность и счастье сбили меня съ толку. Онъ ничего не отвѣчалъ: я покраснѣла, онъ важно улыбнулся и мы начали болтать о томъ, о семъ, — главнымъ образомъ, о тебѣ и минутъ черезъ десять онъ уѣхалъ...»

Страсть, какъ извѣстно, всегда слѣпа; приведенный нами разсказъ Рахили доказываетъ очень ясно эту истину; онъ доказываетъ въ то же время мѣткость Гейне, который говорилъ о Гете: «Богъ? несомнѣнно, богъ, но, между нами, — богъ нѣсколько мѣщанскій, надѣвающій жилетъ изъ трико на свой античный торсъ». Господинъ тайный совѣтникъ Гете, въ качествѣ олимпійскаго бога, считалъ себя освобожденнымъ отъ свѣтскихъ приличій и явился въ восемь часовъ утра съ визитомъ къ женщинѣ, которой онъ прежде никогда не видалъ, говоря прислугѣ, что онъ сейчасъ же уйдетъ, если его немедленно не примутъ. Впрочемъ, нельзя же быть безнаказанно богомъ и извѣстно, что Юпитеръ, болѣе, чѣмъ кто бы то

ни было, вправѣ дѣлать глупости. Такимъ образомъ, вѣроятно, объяснила себѣ поступокъ тайнаго совѣтника Гете наивная Рахиль, готовая всегда считать неуваженіемъ къ великому поэту всякое менѣе безусловное поклоненіе ему.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Золото и имя.

(Романъ г-жи **Шварцъ**.)

(*Продолженіе.*)

VI.

Оставалось нѣсколько дней до конца сезона. Разъ въ разговорѣ съ Эльвирою Сидней упомянулъ, какъ покажется ему пусто въ минуту разставанья съ ней.

— Не на всегда же мы разстаемся, замѣтила Эльвира.

— Это вполнѣ зависитъ отъ васъ, отвѣчалъ Сидней.

— Въ такомъ случаѣ, мы скоро увидимся, улыбаясь, сказала Эльвира:—увѣряю васъ мы не долго будемъ въ разлукѣ.

Простившись съ Сиднеемъ, она вошла къ отцу. Онъ передалъ ей письмо.

— Отъ твоего будущаго мужа, сказалъ онъ,— черезъ три дня онъ будетъ въ Копенгагенѣ, гдѣ ожидаетъ насъ къ свадьбѣ. Завтра мы ѣдемъ отсюда.

Письмо это обрадовало и испугало Эльвиру; ей нѣкогда было много размышлять, за сборами къ отъѣзду. Послѣ обѣда она пошла въ послѣдній разъ къ источнику, гдѣ встрѣтила Марту съ Карломъ.

— Я вѣдь просила тебя не кланяться этой дѣвушкѣ, сказала Марта своему жениху, поклонившемуся Эльвирѣ.—Не слѣдуетъ узнавать подобныхъ знакомыхъ, если имѣешь несчастье встрѣчаться съ ними.

Кровь бросилась въ лицо разсердившейся Эльвирѣ, однакожь она сдержала себя. «Въ скоромъ времени, прошептала она,—я по положенію мужа стану выше этой дѣвчонки, находящей удовольствіе унижать меня».

Въ эту минуту къ ней подошелъ Сидней; поздоровавшись, онъ освѣдомился объ ея здоровьи, такъ сильно она была взволнована.

— Меня оскорбили, сказала Эльвира; впрочемъ не стоитъ объ этомъ говорить. Я пришла проститься съ вами; мы уѣзжаемъ завтра въ Берлинъ.

— Что заставляетъ васъ такъ спѣшить? спросилъ Сидней.

— Папа получилъ письмо, заставившее его ускорить отъѣздъ.

— Вы кажется ни о чемъ не жалѣете, уѣзжая изъ Висбадена.

— Висбадена мнѣ не жалко. Жаль только разстаться съ вами такъ неожиданно, сказала она, улыбаясь.

Сидней посмотрѣлъ на шедшую съ ними рядомъ мадамъ д'Орбо и пожелалъ ей мысленно быть на другомъ концѣ свѣта; она мѣшала ему переговорить съ Эльвирою.

— Вы очень добры, миссъ Бромеръ, сказалъ онъ, неожиданно переходя на англійскій языкъ. —Къ сожалѣнію, вы, кажется, питаете ко мнѣ одну дружбу, а я надѣялся на другое.

— Да я люблю васъ, какъ друга, и буду скучать о васъ во время нашей короткой разлуки.

— Короткой? повторилъ Сидней.—Что заставляетъ васъ думать, что мы скоро увидимся.

— Ахъ, сэръ, я надѣюсь видѣть васъ черезъ нѣсколько недѣль.

— Довольны-ли вы будете, если это случится?

— Также довольно, какъ грущу теперь разставаясь съ вами.

— Mon ami, замѣтила мадамъ д'Орбо,—вы поступаете бестактно, говоря на незнакомъ мнѣ языкѣ; до сихъ поръ я не считала васъ способнымъ на такую невѣжливость.

— Виноватъ, постараюсь исправить свою ошибку, сказалъ Сидней, продолжая говорить по англійски:—Вы позволите мнѣ написать вамъ и, надѣюсь, отвѣтите мнѣ до отъѣзда изъ Висбадена. Отъ вашего отвѣта зависитъ мое рѣшеніе ѣхать въ Берлинъ или отправиться прямо въ Англію.

Сказавъ это, онъ завелъ обыкновенный свѣтскій разговоръ съ мадамъ д'Орбо. Эльвира разсталась съ ними ранѣе обыкновеннаго. Подъ вечеръ явился человѣкъ съ письмомъ отъ Сиднея, за отвѣтомъ долженъ онъ былъ прійдти позже. Долго стояла Эльвира, задумавшись и не рѣшаясь сорвать печать; она обдумывала слова, сказанныя Сиднеемъ, ей припомнился его взглядъ, полный грусти. Тихо сорвавъ печать, она прочла.

«Миссъ Эльвира! Уже давно собирался я высказаться и дать Вамъ понять, то, что происходитъ въ моей душѣ. Мысль мою можно выразить въ трехъ словахъ; не пишу ихъ, надѣясь, что Вы отгадаете.

«Не высказывалъ я до сихъ поръ, какъ люблю Васъ, какъ дороги Вы мнѣ, изъ боязни, что вмѣсто любви Вы питаете ко мнѣ одну дружбу. Высшая же цѣль моей жизни—Ваша любовь.

«Долго еще не рѣшился бы я потревожить Васъ, а старался бы самъ разгадать Ваши чувства, еслибы не Вашъ поспѣшный отъѣздъ изъ Висбадена.

«Не буду описывать, какъ преданно я люблю Васъ, все это были бы пустыя слова, не могущія выразить того, что происходитъ въ моемъ сердцѣ. Скажу одно: это чувство—не минутное впечатлѣніе, а любовь, которую уничтожитъ одна смерть. Цѣль моей жизни—Ваше счастье.

«Потому спрашиваю Васъ, Эльвира, любите-ли Вы меня на столько, чтобы довѣрить судьбу свою моимъ рукамъ, соединить свою жизнь съ моею и сдѣлаться моей женой? Объ одномъ прошу Васъ, имѣйте въ виду свое счастье и не безпокойтесь обо мнѣ.

«Чтобы рѣшиться соединить съ кѣмъ-либо свою судьбу, надо любить, какъ я люблю Васъ. Тяжело связать себя съ человѣкомъ, къ которому не питаешь глубокой, преданной любви.

«Жду Вашего отвѣта, Эльвира. Мы не разстанемся болѣе, если Вы любите меня; если же нѣтъ, то пути наши не столкнутся болѣе по желанію Сиднея Лембурна».

Нѣсколько разъ прочла Эльвира, плача, это письмо, не зная сама, какъ объяснить свое чувство. Она плакала о томъ, что уже отдала свою руку, что письмо Сиднея взволновало ее и что онъ раньше не сдѣлалъ ей предложенія, чрезъ него могла бы она получить положеніе, имя и счастье. Она прочла письмо еще разъ и, прижавъ къ нему губы, прошептала:

— Я не могу быть его женой, но постараюсь запомнить его слова, чтобы они принесли пользу въ будущемъ.

Осушивъ слезы, Эльвира написала:

«Сэръ! Если-бы Вы узнали и полюбили меня шестью недѣлями ранѣе, я была бы вполнѣ счастлива, получивъ Ваше письмо. Теперь же мы должны разстаться. Живите счастливо, забудьте меня.

«Благодарю Васъ за прошлое, за то, что полюбили меня, и за то, что научили понимать все прекрасное и благородное. Эта память останется, вѣчнымъ воспоминаніемъ, о лучшемъ и благороднѣйшемъ человѣкѣ, встрѣченномъ мною. Вспоминайте дружелюбно объ Эльвирѣ Бромеръ».

Рано на другое утро Бромеръ, Эльвира и Лотти уѣзжали изъ Висбадена. Сидней, стоявшій у кареты помогъ Эльвирѣ сѣсть въ экипажъ. Крѣпко сжавъ руку, протянутую ему Эльвирою, онъ сказалъ:

— Молю Всевышняго, чтобы онъ даровалъ вамъ счастье и жизнь, полную радостей.

Онъ исчезъ, прежде чѣмъ растроганная Эльвира могла прійдти въ себя. Лордъ Кастертонъ пришелъ навѣстить свою невѣсту черезъ два часа по пріѣздѣ путешественниковъ въ Копенгагенъ. Эдвинъ очень любезно поздоровался съ ними, освѣдомившись, счастливо-ли прошло ихъ путешествіе. Нѣсколько времени вели они свѣтскій разговоръ, наконецъ Эдвинъ спросилъ Бромера, который день назначитъ для подписанія контракта. Бромеръ назначилъ субботу, какъ день, удобный для его выѣзда изъ Копенгагена; видимо торопившійся Эдвинъ просилъ назначить ближайшій день. Понявъ, что ему не уговорить Бромера, онъ обратился къ Эльвирѣ:

— Осмѣливаюсь обратиться за разрѣшеніемъ этого вопроса къ моей невѣстѣ, впередъ соглашаясь съ ея мнѣніемъ.

Бромеръ смотрѣлъ на Эльвиру, какъ бы желая сказать: «не спѣши покидать меня». Эльвира, понявъ его желаніе, отвѣтила:

— Я вполнѣ согласна съ мнѣніемъ отца.

Посмотрѣвъ на Эдвина, она встрѣтила до того холодный взоръ, что сердце ея судорожно сжалось.

— Рѣшено, въ субботу, сказалъ онъ, вставая, и прибавилъ:—Рано утромъ я пошлю узнать, какъ желаете вы провести завтрашній день. Теперь же ухожу, зная, что вамъ необходимъ покой послѣ дороги.

Онъ ушелъ, поцѣловавъ руку Эльвиры. Она готова была заплакать, когда двери захлопнулись за нимъ; ей казалось, что онъ не такъ смотрѣлъ на нее теперь, какъ до ея знакомства съ Сиднеемъ. На Бромера тоже напало уныніе, онъ сказалъ, прощаясь съ ней:

— Вполнѣ-ли ты увѣрена, что будешь счастливой лэди Кастертонъ?

Эльвира никакъ не могла вѣрить въ возможность быть несчастною, сдѣлавшись богатою лэди, женою красиваго, знатнаго человѣка, выбравшаго ее по любви. Несмотря на эту полную увѣренность, она, однако, съ удовольствіемъ бросилась бы со слезами на грудь отца; а между тѣмъ она сдерживала себя и съ улыбкой смотрѣла на него. Прійдя въ свою комнату, она стала сравнивать Эдвина съ Сиднеемъ, что, конечно, должно было оказаться невыгоднымъ для одного изъ нихъ; Эдвинъ, несмотря на всю свою любовь не съ такою нѣжностью смотрѣлъ на нее, какъ Сидней. Боясь своего будущаго мужа, она думала, что онъ могъ скорѣй внушать почтеніе и уваженіе, чѣмъ любовь. Задремавъ къ утру, она увидала во снѣ, что Эдвинъ, высоко поднявъ ее сильными руками, съ пренебреженіемъ бросилъ въ пропасть; во время паденія кто-то схватилъ и удержалъ ее; взглянувъ на своего спасителя, она узнала Сиднея. Рано на другое утро, принесли ей букетъ и футляръ съ драгоцѣнностями отъ лорда Кастертона, что заставило ее забыть всѣ грустныя мысли и сны.

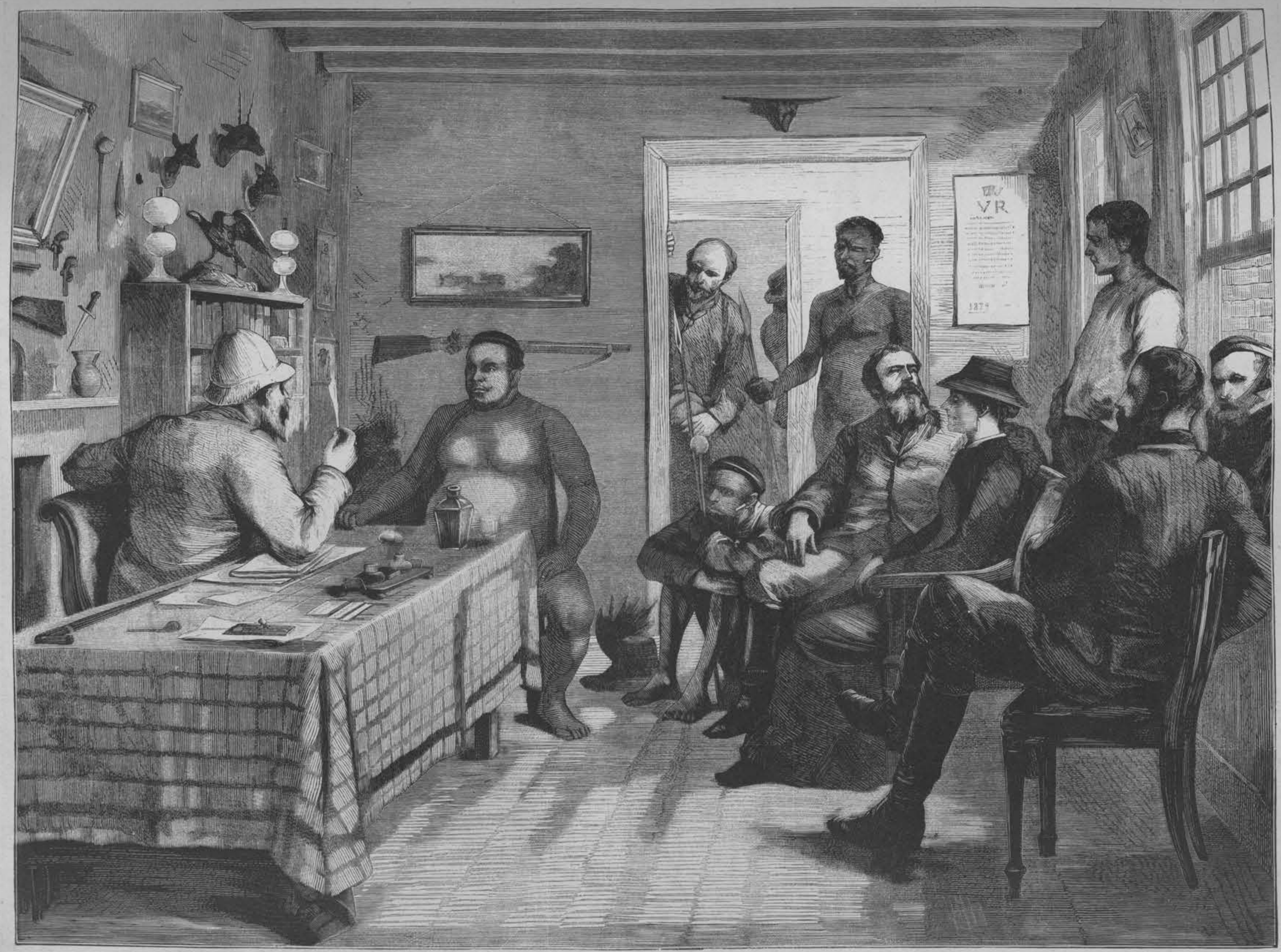
Эдвинъ всѣми силами старался, чтобы три дня, предшествовавшіе свадьбѣ, прошли незамѣтно. Наконецъ насталъ роковой день. Утромъ принесли картонъ съ прекраснымъ свадебнымъ платьемъ отъ лорда, самъ же онъ былъ у Бромера для передачи документа съ значительнымъ подаркомъ Эльвирѣ. Бромеръ объяснилъ ему, что даетъ дочери въ приданое вновь купленное имѣніе и большой капиталъ.

— Я не желаю никакого приданаго за женою, гордо сказалъ Кастертонъ.—Ваша дочь можетъ имъ пользоваться, если ей угодно, я же

Гора Питеръ-Боотъ. Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

ВОЙНА АНГЛИЧАНЪ СЪ ЗУЛУСАМИ.

Переговоры. Рѣзано на деревѣ въ **«Варшавской политипажнѣ»** въ С.-Петербургѣ.

прошу васъ прибавить все приданное къ моему утреннему подарку.

Всѣ убѣжденія Бромера ни къ чему не послужили, Эдвинъ твердо стоялъ на томъ, что женился на его дочери не ради ея приданнаго и потому не желаетъ быть ей чѣмъ либо обязаннымъ. По удаленію Эдвина, Бромеръ сообщилъ Эльвирѣ весь ихъ разговоръ. Она была вполнѣ счастлива, такъ какъ все сказанное подтверждало ея увѣренность въ любви къ ней Эдвина.

Эдвинъ Кастертонъ обвѣнчался съ дѣвицею Эльвирою Бромеръ въ церкви Спасителя въ Копенгагенѣ.

Въ то время когда молодые, вернувшись изъ церкви, ждали обѣда, послѣ котораго должны были уѣхать въ Англію, къ Бромеру подошелъ человѣкъ, сказавъ, что его кто-то спрашиваетъ; онъ вышелъ, извинившись передъ молодыми и гостями, и вернулся черезъ полчаса съ такимъ измѣнившимся лицемъ, что Эльвира спросила, поспѣшно подойдя къ нему:

— Что съ вами, папа, не случилось ли чего нибудь непріятнаго? здоровы-ли вы?

— Ничего, пройдетъ, дитя мое, сказалъ онъ; потомъ, взявъ ее за руку и подводя ее къ окну, прибавилъ:—Посмотри на господина, стоящаго у фонаря въ синемъ сюртукѣ; постарайся запомнить эти черты, чтобы узнать ихъ при встрѣчѣ.

Эльвира, посмотрѣвъ по указанному направленію, увидала господина въ застегнутомъ по горло сюртукѣ, пристально смотрѣвшаго на окно, въ которомъ стояли Бромеръ съ Эльвирою. Лордъ Кастертонъ подошелъ къ ней, сказавъ рѣзкимъ голосомъ:

— Съ вашего позволенія, лэди Кастертонъ, я закрою окно. Спустя минуту, онъ спросилъ:

— Знакомы вы съ молодымъ человѣкомъ, слѣдившимъ за вами съ такимъ интересомъ?

Эльвира, не замѣтившая никого, кромѣ господина въ синемъ сюртукѣ, взглянула и тутъ только увидала Карла Броунна, стоявшаго рядомъ съ незнакомцемъ и пристально смотрѣвшаго на нее; покраснѣвъ при видѣ его, Эльвира быстро отошла отъ окна.

— Извините, милордъ, сказалъ Бромеръ, — желая показать Эльвирѣ господина, имѣющаго сходство съ моимъ родственникомъ, я подвергъ ее взорамъ любопытныхъ.

Черезъ часъ всѣ сѣли за столъ.

VII.

Маркиза Лидія Бризи, родомъ англичанка, была кузиною Вильяма Кастертона, отца Эдвина. Она съ самаго дѣтства почувствовала къ Вильяму привязанность, продолжавшуюся всю жизнь. Богатая, хорошенькая родственница Вильяма ни когда не подозрѣвала, что расположеніе его къ ней могло быть дружбою, а не любовью; Кастертонъ же влюбился и женился на хорошенькой француженкѣ.

Миссъ Лидія чуть не умерла съ отчаянія, но, одумавшись, рѣшилась выйдти замужъ за маркиза Бризи, принадлежавшаго къ одной изъ фамилій французскихъ эмигрантовъ, но обратившагося въ настоящаго англичанина. Замужество Лидіи было ни счастливо, ни несчастливо. Черезъ три года она осталась бездѣтною вдовою; не смотря на всѣ ухаживанія за очень богатою вдовушкою, она не измѣнила своего рѣшенія не выходить въ другой разъ. Любовь къ Кастертону, заглушенная обидою, возгорѣлась съ новою силою при извѣстіи, что онъ несчастливъ съ женой, промотавшей все его наслѣдственное состояніе. Она рѣшилась жить экономно, чтобы увеличить свой и безъ того громадный капиталъ для сына Вильяма или чтобы помочь ему самому выйдти изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ.

Чѣмъ болѣе увеличивалась ея заботливость о Вильямѣ и его сынѣ, тѣмъ болѣе ненавидѣла она его жену, казавшуюся ей причиною всѣхъ несчастій. Француженка старалась только своими нарядами и большимъ числомъ обожателей обратить на себя общее вниманіе. Лидія никакъ не могла простить ей, что Вильямъ, способностями и умомъ котораго она восхищалась, былъ игрушкою ея капризовъ. По смерти лэди Кастертонъ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ брака, маркиза стала надѣяться получить вознагражденіе за свою долголѣтнюю любовь, но вполнѣ ошиблась. Черезъ годъ Вильямъ, замѣтивъ, что состояніе его совсѣмъ разрушается, пустилъ себѣ пулю въ лобъ, хотя всѣ предполагали, что онъ умеръ отъ несчастнаго случая на охотѣ. Въ день его смерти, маркиза получила письмо отъ него съ извѣстіемъ о его намѣреніи и просьбою перенести всю любовь на Эдвина. Горесть маркизы была неописанна, два года боялись за ея разсудокъ; когда она немного успокоилась, — первою ея заботою былъ Эдвинъ, слушавшій въ то время курсъ въ Оксфордѣ. Маркиза намѣревалась усыновить его и оставить ему все состояніе, но, съ первой встрѣчи въ Гартонкуртѣ, они повздорили, причиною ссоры была ненависть маркизы къ матери Эдвина. Несогласіе все увеличивалось; Эдвинъ не позволялъ управлять собою, не допустилъ даже ея вмѣшательства въ выборъ карьеры; маркиза же, привыкшая владычествовать съ двадцатилѣтняго возраста, найдя его обращеніе неблагодарнымъ, рѣшилась предоставить ему бороться съ денежными непріятностями, пока не уменьшится его высокомѣріе.

Пропутешествовавъ два года, Эдвинъ принужденъ былъ вернуться въ Англію за неимѣніемъ средствъ; заложивъ имѣнія, оставшіяся незаложенными по смерти отца, онъ снова отправился во Францію. Тутъ познакомился онъ съ племянницею матери, графинею Мурвиль, въ которую влюбился такъ, что даже забылъ о своей цѣли путешествія во Францію найдти черезъ родственниковъ матери средства къ существованію научными изслѣдованіями. Полюбивъ дѣвушку до безумія, онъ сопровождалъ ее въ Италію, Тироль и въ Висбаденъ. Маркиза, услыхавъ одновременно и о его любви къ графини, и о его разстроенныхъ финансахъ, и о томъ, что онъ для поправленія ихъ предался игрѣ, сейчасъ же выѣхала изъ Англіи, надѣясь измѣнить его странный образъ жизни.

По мнѣнію маркизы, его можно было спасти, заставивъ жениться и вернуться въ Англію для управленія своими имѣніями; тогда только могъ онъ привыкнуть къ правильному образу жизни, что и принудило ее написать другу и повѣренному Эдвина, Сиднею Лембурну, прося его пріѣхать въ Кобленцъ. Сидней и Эдвинъ воспитывались вмѣстѣ, дружба отцовъ перешла на сыновей, не смотря на различіе характеровъ. Эдвинъ былъ крайне эксцентричный и страстный человѣкъ, отличавшійся своими блестящими способностями и необыкновенною гордостью. Сидней, напротивъ, былъ воплощеннымъ разумомъ, которому онъ подчинялъ всѣ свои чувства, не смотря на ихъ силу: гордый безъ своеволія, великодушный безъ хвастовства, онъ былъ идеаломъ честности въ глазахъ Эдвина; Сидней одинъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе надъ нимъ. Маркиза не ошиблась, избравъ его для передачи Эдвину рѣшенія, отъ котораго зависила вся будущность послѣдняго. Предположеніе маркизы не осуществилось бы, если бы Эдвинъ самъ уже не почувствовалъ, какъ унизительно для его чести существовать игрою, и не размышлялъ бы о непріятности впасть въ бѣдность человѣку съ его именемъ. Разумъ Эдвина, усиленный страстью, пробудился; вся необходимость выбраться изъ этого положенія наглядно представилась ему. Сидней передалъ Эдвину предложеніе маркизы, когда послѣдній послѣ ночи, проведенной въ игрѣ, вполнѣ сознавалъ, что ему необходимо оторваться отъ графини и перемѣнить образъ жизни. Любовь эта совсѣмъ измѣнила его, заставивъ забыть свое положеніе въ свѣтѣ. Предложеніе маркизы давало ему возможность честнымъ образомъ поправить свои дѣла, заняться чѣмъ-нибудь полезнымъ, хотя съ другой стороны все это противорѣчило его юношескимъ мечтамъ.

Былъ конецъ августа; маркиза, находившаяся уже нѣсколько недѣль въ Гартонкуртѣ, пригласила къ себѣ нѣкоторыхъ родныхъ Кастертона. Она дѣлала значительныя издержки, что противорѣчило ея обыкновенному образу жизни. Одинъ этажъ дома она меблировала заново, наняла нѣсколько лишнихъ человѣкъ прислуги, сдѣлала имъ новыя ливреи. Она сама, снявъ черное платье, которое носила со смерти Вильяма, надѣла сѣрое. Мрачный, необитаемый Гартонкуртъ оживился, въ домѣ, въ паркѣ и въ саду кипѣли молодость и жизнь. Въ послѣдніе дни августа, маркиза не находила себѣ мѣста отъ нетерпѣнія; прислуга никакъ не могла угодить ей. Она сердилась, всѣмъ была недовольна. Цѣлыми днями ждала она дорожнаго экипажа, но напрасно,—ожидаемые гости не ѣхали.

Всѣ родственники собрались въ нижнемъ освѣщенномъ залѣ, стараясь развлечься по возможности; одна маркиза сидѣла въ своемъ кабинетѣ, не заботясь о гостяхъ. Послышался стукъ экипажа; она мгновенно подбѣжала къ окну, но ничего не увидала, такъ какъ на дворѣ было темно. Позвонивъ, она приказала человѣку узнать, кто пріѣхалъ, но вошедшій Сидней поспѣшно подошелъ къ маркизѣ, извиняясь, что опоздалъ, чему виной была задержка на одной изъ станцій желѣзной дороги. Маркиза, не дослушавъ, прервала его вопросомъ:

— Не слыхали-ли вы чего-нибудь про лорда Кастертона?

— Онъ писалъ мнѣ, по пріѣздѣ въ Копенгагенъ, что мы встрѣтимся здѣсь перваго сентября.

— Сегодня послѣднее число августа, онъ долженъ бы находиться здѣсь, недовольнымъ тономъ сказала маркиза.

— Лордъ и лэди Кастертонъ сейчасъ изволили пріѣхать, послышался въ дверяхъ голосъ человѣка, тотчасъ же прибавившаго: — милордъ приказали проводить себя въ назначенныя комнаты. Завтра будутъ они имѣть честь представить маркизѣ свою супругу.

Лицо маркизы просіяло, она вздохнула съ облегченіемъ По уходѣ человѣка, попросивъ Сиднея сѣсть, она сказала:

— Мнѣ было бы пріятно услыхать что-нибудь про лэди Кастертонъ, до встрѣчи съ нею.

— Къ сожалѣнію, не могу удовлетворить вашему желанію, маркиза, такъ какъ самъ незнакомъ съ лэди Кастертонъ, знаю только, что она молода.

— Такъ вы не знаете, кто она? живо спросила маркиза.—Ужь не француженка-ли?

— Не думаю, чтобы Эдвинъ рѣшился выбрать француженку, зная, что это было однимъ изъ условій, маркиза, сказалъ, улыбаясь, Сидней.—Все мнѣ извѣстное заключается въ этомъ письмѣ.

Сидней передалъ маркизѣ письмо; маркиза прочитала слѣдующее:

«Другъ мой, вотъ уже два мѣсяца, какъ мы неожиданно разстались съ Тобой въ Висбаденѣ. Я уѣхалъ оттуда, выбравъ жену по вкусу маркизы, вѣдь я женюсь по требованію тетушки, значитъ мое мнѣніе ничего не значитъ. Я не забылъ, что жена моя не должна быть француженкою, но молода и прилична, чтобы не запятнать моего имени. Выборъ, кажется мнѣ, хорошъ, но ни слова больше про мою невѣсту.

«Перваго сентября надѣюсь встрѣтиться съ Тобою въ Гартонкуртѣ; мнѣ о многомъ надо переговорить съ Тобою, теперь скажу одно, шагъ, къ которому принудила меня маркиза имѣлъ большое вліяніе на мой характеръ. Она захотѣла съ

корнями вырвать страсть мою къ графинѣ Мурвиль, но вмѣстѣ съ этимъ вырвала много благородныхъ чувствъ и возбудила новыя, что сдѣлало изъ меня другого человѣка; но вѣдь это ничего не значитъ, довольно того, что фамилія Кастертоновъ возвысилась. Въ одномъ можетъ она быть увѣрена, я никогда не наложу пятна на это имя.

«Черезъ два дня я буду женатъ, черезъ два дня разлетятся всѣ мечты о свободѣ, о жизни, посвященной изслѣдованіямъ, путешествіямъ и независимости. Я вернусь въ Англію, поселюсь въ своихъ имѣніяхъ, буду заниматься политикой, сдѣлаюсь членомъ парламента и, подобно многимъ изъ Кастертоновъ, буду расточать безъ пользы человѣчеству свои силы и способности на пустыя рѣчи».

«Судьба моя рѣшена. Не могъ же я отказать маркизѣ, заплатившей долги Кастертоновъ и сдѣлавшей изъ меня богатѣйшаго лорда Англіи, въ исполненіи ея желанія, что и принудило меня вступить въ бракъ. Большимъ я не могъ пожертвовать, такъ какъ изъ любви не рѣшился бы даже на этотъ шагъ; деньги сдѣлали невозможное».

«Будь здоровъ, пожалѣй объ участи, доставшейся на долю Твоего друга Эдвина Кастертона».

Маркиза сказала, складывая письмо:

— Позвольте мнѣ оставить его у себя?

— Съ удовольствіемъ, если вы согласитесь сказать мнѣ, на что оно вамъ.

— Я желаю запомнить содержаніе, въ особенности нѣкоторые пункты, достойные размышленія. Я покажу это письмо Эдвину, когда онъ научится цѣнить счастье и сознаетъ, что долженъ быть доволенъ своей судьбой.

— Которую вы для него приготовили? прервалъ ее Сидней.—Въ такомъ случаѣ сохраните письмо, маркиза; можетъ быть, въ немъ найдутся и другіе пункты, надъ которыми вы задумаетесь.

— Что вы хотите этимъ сказать, сэръ?

— По моему слишкомъ рискованно не только рѣшать, но даже вмѣшиваться въ чужую судьбу. Когда вы заставляли меня передать ваше рѣшеніе Кастертону, я просилъ васъ обдумать ваше требованіе; вы не послушались моего предостереженія, я же исполнилъ ваше желаніе, зная, что безъ этого вы не согласитесь спасти Кастертона отъ долговъ. Теперь невольно боюсь я, не погубили ли вы двѣ жизни.

Послѣ продолжительнаго молчанія, маркиза сказала:

— Я дѣйствовала умно и справедливо по моему мнѣнію. Если ошиблась—пусть наказаніе падетъ на меня.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Гора Питеръ-Боотъ на островѣ св. Маврикія.

Среди сотни пиковъ, выдающихся вокругъ центральной возвышенности волканическаго острова св. Маврикія, высится грозный «Питеръ-Боотъ» на 2,675 футовъ надъ уровнемъ моря. Эта гора славится своей неприступностью и причудливостью очертаній. Представьте себѣ шапку, какъ бы надѣтую на громадную юлу, поставленную на остріе. Названіе «Питеръ-Боотъ» дано пику голландцами, прежними владѣльцами острова, въ честь адмирала Питеръ-Боота Амерсфортъ, потерпѣвшаго крушеніе и погибшаго у самой подошвы этой горы.

Въ ноябрѣ 1878 г. небольшая партія смѣлыхъ туристовъ, состоявшая изъ лейтенанта англійскаго флота де-Гейга и его двухъ товарищей, рѣшилась взобраться на Питеръ-Боотъ безъ помощи проводниковъ. Это было первою попыткою въ этомъ родѣ; обыкновенно охотниковъ карабкаться на эту высь сопровождаютъ индѣйцы-проводники, между которыми особенно извѣстенъ нѣкто Деби, обладающій большою сноровкою въ укрѣпленіи веревокъ и лѣстницъ въ болѣе трудныхъ мѣстахъ.

Лейтенантъ Гейгъ и его пріятели выступили въ походъ рано утромъ въ сопровожденіи трехъ слугъ индѣйцевъ, выразившихъ желаніе сопровождать своихъ господъ. Всѣ путевыя пособія смѣлыхъ путниковъ состояли изъ одного грубаго лука и стрѣлъ, веревки длиною въ 150 футовъ и толщиною въ $\frac{1}{2}$ дюйма, клубка толстыхъ нитокъ и нѣсколькихъ струнъ.

Дорога шла сначала между полями, поросшими сахарнымъ тростникомъ, но скоро поворотила въ скалистое ущелье, окаймленное дѣвственнымъ лѣсомъ. Идти было очень трудно; ноги скользили на крутизнахъ, размытыхъ непродолжительными, но сильными дождями, часто выпадающими на островѣ по утрамъ. Путники были скоро вынуждены покинуть эту тропинку, проложенную угольщиками, и рѣшились пробираться стороною черезъ самый лѣсъ. Перепутанныя вѣтви и травы, сваленныя деревья, вывороченные пни затрудняли имъ путь на каждомъ шагу, вынуждая ихъ останавливаться, чтобы перевести дыханіе; кругомъ царствовала мертвая тишина, прерываемая лишь рѣзкимъ завываніемъ чекалокъ и крикомъ фаэтоновъ, оригинальной птицы, похожей на чайку, но замѣчательной по одинокому длинному перу, которое выдается дюймовъ на 14 изъ ея небольшого хвоста. Ползучія травы спускались изъ каждой расщелины, ліаны окутывали всю гигантскую растительность, орхидеи висѣли съ вѣтвей, а высоко, на вершинахъ деревьевъ, виднѣлись черныя гнѣзда бѣлыхъ муравьевъ, страшныхъ враговъ тѣхъ самыхъ стволовъ, на которыхъ они ютились.

Дорога становилась болѣе и болѣе каменистою и путники очутились скоро въ изсохшемъ руслѣ горнаго потока. Идущимъ впереди маленькой колоны было еще легко, но замыкавшіе ее должны были продѣлывать разныя эквилибристическія упражненія, спасаясь отъ камней, скатывавшихся имъ навстрѣчу изъ подъ ногъ передовыхъ. Много было при этомъ комическихъ сценъ, но много и такихъ, которыя могли бы закончиться очень печально.

По мѣрѣ того, какъ дорога поднималась, растительность рѣдѣла и скоро замѣнилась одною травою. Вскорѣ путники добрались до перевала, съ котораго ущелье круто опускалось въ другую сторону къ «Долинѣ Патеровъ». Отсюда открывался уже видъ на угрюмый Питеръ-Боотъ, шапка котораго по временамъ выглядывала изъ окружавшаго ее тумана...

Отдохнувъ немного, Гейдъ и его спутники пустились далѣе, по узенькому карнизу, шириною лишь въ нѣсколько дюймовъ и висѣвшему надъ темною пропастью. Но эта тропинка, по которой они добрались до небольшого выступа, находившагося приблизительно въ 340 футахъ, не доходя «Шапки», не составляла еще самой опасной части путешествія. Наибольшая трудность начиналась теперь, когда путникамъ предстояло лѣзть на вершину по скалистой поверхности, окруженной зіяющими пропастями. Замѣнивъ свои кожанные сапоги сандаліями, Гейдъ и его товарищи обсудили свой планъ дѣйствій. Прежде всего предстояло одолѣть такъ называемую «Лѣстницу», то есть, почти вертикальную и скользкую крутизну, вышиною въ 25—30 футовъ, при ширинѣ въ 12 футовъ. Эта не совсѣмъ удобная дорога висѣла, такъ сказать, въ воздухѣ и пересѣкалась продольною узкой расщелиной.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, одинъ изъ путниковъ, м-ръ М., объявилъ, что не имѣетъ духа идти далѣе, даже съ помощью веревокъ. «Мы не стали убѣждать его, говоритъ м-ръ Гейдъ;—какъ отецъ семейства, онъ былъ вполнѣ правъ, не рѣшаясь рисковать своей жизнью». Но слуги-малобарцы обрадовались такому примѣру одного изъ господъ и тоже объявили, что никакъ не осмѣливаются на дальнѣйшее головоломное путешествіе. На всѣ насмѣшки и убѣжденія, они отвѣчали стоически: «Мы боимся». Дѣлать было нечего и Гейдъ рѣшился подняться только вдвоемъ съ другимъ спутникомъ, при чемъ очень жалѣлъ, что не вздумалъ запастись кирками или крюками, которые могли бы оказать большую помощь при предстоявшемъ подъемѣ.

Запустивъ лѣвую ногу въ расщелину, Гейдъ поползъ вверхъ, ухватываясь за неровности скалы, но уже добравшись почти до самой вершины, онъ къ ужасу своему увидѣлъ, что передъ нимъ не было никакой поддержки, кромѣ пучка травы. «Впродолженіи нѣсколькихъ секундъ, говоритъ онъ,—я разсуждалъ, не лучше ли будетъ воротиться, но чувствуя, что всѣ мои члены начинаютъ дрожать, я сдѣлалъ послѣднее отчаянное усиліе... Трава держалась крѣпче, чѣмъ я предполагалъ, и черезъ нѣсколько минутъ я былъ въ безопасномъ мѣстѣ. Мой товарищъ, м-ръ А., скоро нагналъ меня, повидимому, совершивъ опасный переходъ съ меньшимъ затрудненіемъ, чѣмъ я». На рис. 2, снятомъ съ выступа, о которомъ упомянуто выше, видна самая скала и то положеніе, къ которому должны были прибѣгнуть путники, чтобы взобраться на нее.

Приходилось теперь перебраться черезъ «Сѣдло», состоявшее изъ каменнаго ребра, за которымъ начинался новый подъемъ, подобный предъидущей «Лѣстницѣ», но не столь высокій. Преодолѣвъ и этотъ страшный путь, товарищи добрались до «Шеи»,—оригинальнѣйшаго созданія природы, невольно заставляющаго уподоблять вершину Питра Боотъ юлѣ, поставленной на острую оконечность и увѣнчанную шапкою. «Шея» оказалась обрамленной небольшою полосою земли, которая осѣнялась нависшею надъ нею скалистою массой и была окружена безднами. Выше этой площадки не можетъ вскарабкаться не только человѣкъ, но даже обезьяна, безъ помощи веревокъ. Выбравъ, по возможности, удобное подвѣтренное мѣстечко, Гейдъ выпустилъ стрѣлу изъ лука, привязавъ къ ней нить и стараясь такимъ образомъ перекинуть ее черезъ вершину, достигавшую 38 футовъ вышины. Но сильный вѣтеръ уносилъ легкую нить въ сторону отъ «Шапки». Много разъ повторялъ Гейдъ эту операцію, неудававшуюся частью и оттого, что клубокъ не разматывался плавно, безъ задержекъ. Наконецъ, послѣ усилій, продолжавшихся $2\frac{1}{2}$ часа, нить зацѣпилась за одинъ изъ скалистыхъ краевъ. Тогда, прикрѣпивъ къ нити струну въ видѣ петли, путники продѣли въ нее веревку, которую, такимъ образомъ, перетащили на другую сторону утеса, гдѣ прочно укрѣпили ее (рис. 3). М-ръ А. попытался подняться тогда по этому воздушному пути, но быстро спустился обратно, почувствовавъ, что веревка скользитъ. Пришлось натянуть ее потуже... Вообще путешествіе было не особенно заманчиво: подниматься на вышину въ 30 футовъ, держась на однихъ рукахъ, по веревкѣ, не превосходившей толщиною мизинца, притомъ перекинутой въ косомъ направленіи и способной соскользнуть... притомъ вися надъ пропастью, глубиною 200—300 футовъ! Однако м-ръ А., нисколько не разочарованный своею первою неудачей, сталъ бодро подниматься и добрался уже до вершины, но у него не хватило силъ, чтобы влѣзть на нее, и онъ былъ вынужденъ спуститься, уже такъ сказать, осязавъ побѣду, что разогорчило его не на шутку. Гейдъ рѣшился попытаться въ свою очередь; онъ поднимался, стараясь сберегать свои силы для по-

слѣдняго, рѣшительнаго движенія.—«Сердце мое замерло отъ страха, разсказываетъ онъ,—когда я, добравшись до края «Шапки», увидѣлъ, что малѣйшій толчокъ въ сторону могъ заставить веревку скользнуть и отправить меня въ вѣчность! И другія страшныя мысли промелькнули у меня въ мозгу съ быстротой молніи: острые края камня перетирали тонкую веревку; начавшійся дождь, смачивая ее, заставлялъ ее сокращаться.. Спуститься скорѣе внизъ, или же сдѣлать еще одно усиліе?..Я рѣшился на послѣднее. Потребовалось страшное напряженіе для того, чтобы занести колѣно на край утеса и пропустить два пальца подъ натянутую веревку, протянувъ руки впередъ... Втеченіи нѣсколькихъ мгновеній я чувствовалъ себя безпомощно трепетавшимъ между землею и небомъ, но, еще одно усиліе, и я растянулся, поцарапавъ себѣ порядочно носъ, но осязая подъ собою твердую почву и ликуя всѣмъ существомъ моимъ, хотя и не имѣя почти силъ шевельнуться...

«Первымъ дѣломъ моимъ было перемѣщеніе веревки въ болѣе безопасное мѣсто; для этой цѣли мой товарищъ долженъ былъ развязать всѣ прежніе узлы на веревкѣ, но тутъ явилось нежданное затрудненіе: м-ръ А. не умѣлъ завязывать такихъ узловъ, о чемъ я прежде и не подумалъ... Между тѣмъ дулъ страшный вѣтеръ; не было никакой возможности переговариваться на разстояніи 35 футовъ высоты другъ отъ друга и когда я притомъ даже не могъ видѣть моего товарища, скрытаго нависшимъ утесомъ. Положеніе было критическое! Приходилось мнѣ и прежде учить людей завязывать канаты мертвымъ узломъ, но никогда, конечно, не кричалъ я такъ усердно и не сердился такъ на безтолковость моихъ учениковъ, какъ теперь, лежа плашмя на утесѣ, высунувшись съ плечами и головой за его край и рискуя ежеминутно свалиться туда, гдѣ и костей бы моихъ не нашли...

«Черезъ три четверти часа такого упражненія, веревка была привязана и укрѣплена какъ требовалось, и мой товарищъ скоро уже стоялъ возлѣ меня на маленькой площадкѣ, длиною въ 25 и шириною въ 15 футовъ. Мы ощущали тоже, что чувствуетъ воздухоплаватель: кругомъ насъ не было ничего, кромѣ воздуха, да облаковъ...

«Когда выглянуло солнце передъ нами открылся великолѣпнѣйшій видъ. Весь островъ былъ виденъ, какъ на ладони. Къ сѣверу горы высились отвѣсно надъ равнинами, постепенно склонявшимися къ морю; вдалекѣ выступали группы своеобразно очерченныхъ острововъ, какъ бы висѣвшихъ въ воздухѣ, потому что синева моря сливалась незамѣтно съ небесною синевой. Восточная и южная части острова св. Маврикія, болѣе возвышенныя, чѣмъ прочія, казались сплошнымъ садомъ, изъ котораго выдавались мѣстами группы построекъ съ дымившимися трубами и вьющіеся болѣе темнозеленыя линіи, обозначавшія русла рѣкъ, протекающихъ здѣсь вездѣ по дну глубокихъ, лѣсистыхъ лощинъ. Къ югу горизонтъ замыкался смѣлыми очертаніями горныхъ хребтовъ «Камарель» и «Блекъ-Риверъ», отстоящихъ отъ Питеръ-Боота на 25 миль, между тѣмъ какъ ближе высились фантастическіе силуэты пиковъ, изъ которыхъ одинъ напоминаетъ профиль прислонившагося къ стѣнѣ французскаго солдата. Неподалеку отъ Питеръ-Боота и на одной линіи съ нимъ стоялъ «Мизинецъ», вершина котораго походитъ на палецъ. Этотъ пикъ характеристиченъ тѣмъ, что его видно со всѣхъ пунктовъ острова. Кое-гдѣ среди полей сахарнаго тростника подымались небольшія черныя сопки, какъ бы сами сознававшія, что онѣ тутъ рѣшительно не на мѣстѣ. Къ западу между «Мизинцемъ» и моремъ разстилался городъ Поръ-Луи съ его гаванью, въ которой можно было насчитать до 150 судовъ, что давало понятіе о развитіи торговли на такомъ небольшомъ островѣ.

«Пока мы сидѣли, любуясь на окружавшую насъ панораму и стараясь, по обычаю всѣхъ туристовъ, увѣковѣчить свои имена, выцарапавъ ихъ на свинцовой дощечкѣ, которая была припасена нами на этотъ случай, изъ-подъ одного камня выползла ящерица и расположилась понѣжиться на солнцѣ. Что занесло бѣдное животное на эту высь? Подъ другимъ небольшимъ камнемъ, мы нашли бѣлаго скорпіона. Эти скорпіоны и стоножки—единственныя ядовитыя пресмыкающіяся на островѣ. Но найденный нами экземпляръ былъ безвреденъ; онъ казался уже полумертвымъ, вѣроятно, отъ недостатка пищи.

Мы устроили родъ ниши изъ небольшихъ каменьевъ для защиты нашей свинцовой дощечки отъ погибели, а надъ нею вбили палку съ флагомъ въ знакъ того, что мы выполнили свое опасное предпріятіе. Нашъ послѣдній подъемъ потребовалъ $4\frac{1}{2}$ час. времени, изъ которыхъ половина потратилась на укрѣпленіе веревки у «Шапки». Спускъ совершился безъ особыхъ затрудненій и сравнительно безопасно, благодаря уже устроенному нами веревочному приспособленію. Мы воспользовались нашей веревкой и при дальнѣйшихъ спускахъ съ «Лѣстницы» и пр. Наши малабарскіе слуги, увидя насъ, заявили, что мы владѣемъ «счастьемъ», разумѣя подъ этимъ талисманъ, охраняющій человѣческую жизнь. Благодаря такому мнѣнію, переходившему изъ устъ въ уста при нашемъ возвращеніи на равнину, наше восхожденіе на Питеръ-Боотъ приняло, наконецъ, характеръ легенды, которая и разсказывается теперь на островѣ св. Маврикія всѣмъ желающимъ выслушать, «какъ два англичанина чуть было не сняли «Шапки» съ Питеръ-Боота».

Воспоминанія объ Илійской долинѣ.

(Изъ записокъ русскаго путешественника).

Ст. Н. Стремоухова.

остоянные безпорядки въ При-илійскомъ краѣ (гдѣ власть китайская, какъ, впрочемъ, и на другихъ окраинахъ этого огромнаго государства, была слаба), вторженія въ наши предѣлы китайскихъ хищниковъ, ограбленія нашихъ каравановъ и притѣсненія пограничныхъ русскихъ жителей требовали скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. И вотъ лѣтомъ въ 1871 году былъ положенъ конецъ управленію кульджинскаго султана Абулъ-Оглы, иначе называемаго Алла-Ханомъ, и долина рѣки Или была присоединена къ нашимъ Средне-Азіятскимъ владѣніямъ, подъ именемъ Кульджинскаго района. Силою обстоятельствъ мы вынуждены были вступить въ Илійскую долину, чтобы обезопасить восточныя окраины Туркестанскаго края отъ разныхъ дикихъ народовъ, нежелавшихъ подчиниться китайскимъ властямъ.

Втеченіи многихъ лѣтъ эта прекрасная долина представляла изъ себя самую грустную картину. Тамъ вѣчно царствовали анархія и междоусобицы,—спокойствіе и благоустройство были чужды разноплеменному населенію кульджинскаго края; китайцы то жестоко, безъ пользы проливали потоки дунганской и таранчинской крови, то сами дѣлались жертвою мстительныхъ мусульманъ. Многолюдные, громадные, когда-то процвѣтавшіе города обратились въ безобразныя груды камней и всякаго мусора, щедро орошенные кровью своихъ прежнихъ обитателей; роскошныя поля превратились въ безплодныя пустыни. При такихъ условіяхъ торговля и промышленность не могли процвѣтать,—война, самая губительная и истребительная, была исключительнымъ занятіемъ почти всего кульджинскаго населенія.

Но явились русскіе и все мигомъ преобразилось. Китайцы, дунгане, таранчи, тарангауты и др., позабывъ вражду свою, усердно принялись за торговлю, промышленность, земледѣліе и скотоводство; край ожилъ и скоро вернулъ свои прежнія благосостояніе и привлекательность. 8 лѣтъ уже Кульджа и вся Илійская долина находятся подъ нашимъ управленіемъ и туземцы мирно, въ дружбѣ поживаютъ съ пришельцами-русскими.

Къ сожалѣнію, можно даже сказать къ несчастію, оказывается, что русское управленіе Кульджинскимъ райономъ лишь временное. Мы заняли этотъ край съ условіемъ отдать его обратно Китаю въ то время, когда послѣдній будетъ въ состояніи ввести въ немъ правильный строй и поддержать въ немъ должнымъ образомъ порядокъ, миръ и спокойствіе, чтобы впредь не повторились болѣе тѣ безпорядки, которые вызвали занятіе края. Въ настоящее время пріѣхало въ Петербургъ китайское посольство и начало очень ревностно и настойчиво переговоры о присоединеніи Кульджи къ Небесной Имперіи. По видимому, со стороны Китая переговоры эти ведутся не безъ успѣха, такъ какъ нѣкоторыя русскія газеты (Русскія Вѣдомости между прочимъ) уже стали поговаривать о скорой передачѣ Китаю Кульджинской провинціи.

По поводу этихъ слуховъ я позволяю себѣ подѣлиться съ читателями нѣкоторыми воспоминаніями, глубоко во мнѣ запечатлѣвшимися послѣ небольшого путешествія, которое 5 лѣтъ тому назадъ мнѣ удалось совершить въ Кульджу.

Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ 1874 года. Какъ теперь помню, почью, во время сильнаго дождя, мы, то есть я и мой спутникъ—татарскій мулла, медленно переваливъ черезъ цѣлый рядъ довольно высокихъ холмовъ *), съ трудомъ дотащились по липкой грязи до алтынъ-имельской станціи, находящейся на почтовомъ трактѣ изъ Алматы, т. е. г. Вѣрнаго до г. Копала и далѣе до самаго Омска. Желая скорѣе добраться до Кульджи, мы потребовали немедленно лошадей; но станціонный смотритель очень хладнокровно объявилъ, что въ такую темную и ненастную ночь переѣздъ черезъ алтынъ-имельское ущелье крайне опасенъ и что лучше дождаться утра. Дѣлать было нечего; уступая необходимости, мы вошли въ довольно обширную комнату станціоннаго домика и, по купечески усердно побаловавшись китайскимъ напиткомъ, развалились на широкихъ, сильно обтертыхъ и продавленныхъ кожаныхъ диванахъ. Хотя дождь пересталъ лить, темныя тучи разсѣялись и туманъ сталъ подниматься, хотя полный мѣсяцъ во всемъ своемъ блескѣ выкатился изъ за горъ и матовыми лучами освѣтилъ нашъ почлегъ, усталость взяла свое и мы преисправно захрапѣли, вполнѣ отдавшись сновидѣніямъ, въ которыхъ испытанныя въ пути ощущенія играли не послѣднюю роль. За то, какъ только занялась утренняя зорька, мы были уже на ногахъ. Великолѣпнѣйшая картина представилась нашимъ глазамъ: бѣлою полоскою, сперва широкою, потомъ болѣе и болѣе съуживающеюся, отдѣлялась на востокъ отъ большого тракта про-

*) Холмы эти составляютъ горную цѣпь Чулакъ-Тау, которая въ свою очередь считается отрогомъ длиннаго и высокаго Алатаускаго хребта.

селочная дорожка и красиво извивалась по ровной зеленой долинѣ, а за долиною сплошною стѣною рисовался горный хребетъ своими разнообразными утесистыми вершинами, фантастически освѣщенными восходящимъ солнцемъ. Хребетъ этотъ въ двухъ мѣстахъ прорѣзанъ ущельями Ямамъ-Алтынъ-Имелемъ, недоступнымъ для экипажей, и Якши-Алтынъ Имелемъ, черезъ которое намъ предстояло перебраться въ Кульджинскую долину *).

— Лошади готовы-съ! вдругъ прервалъ наши наблюденія густой басъ станціоннаго смотрителя.

Собравшись съ новыми силами, мы, полулежа, по возможности удобнѣе помѣстились въ нашемъ крошечномъ тарантасикѣ и покатили прямо къ горамъ по той самой дорожкѣ, которую только что разсматривали.

Проѣзжая ущельемъ, я вспомнилъ вчерашнее предостереженіе станціоннаго смотрителя и мысленно поздравлялъ себя, что послѣдовалъ его совѣту. Ночью дѣйствительно пришлось бы натерпѣться страха. Узкая каменистая дорога, круто извиваясь между черными и сѣроватожелтыми утесами, постепенно поднималась все болѣе и болѣе въ гору; то она совершенно скрывалась среди отвѣсныхъ, сплошныхъ каменныхъ стѣнъ, то однимъ краемъ она, точно карнизомъ, охватывала какую-нибудь гигантскую скалу, а другимъ висѣла надъ глубочайшимъ обрывомъ, малѣйшая неосторожность со стороны ямщика—и костей не соберешь. Подъемъ былъ до того труденъ, что лошадки наши едва подвигались впередъ; нѣсколько разъ мы принуждены были вылѣзать изъ тарантаса и идти пѣшкомъ. Даже мой спутникъ, привычный къ путешествіямъ и видавшій на своемъ вѣку всевозможные виды, не выдержалъ и воскликнулъ:

— Да будетъ ли этому конецъ; а то, пожалуй, и до самаго солнца доберешься!

Но на этотъ разъ жалоба оказалась несвоевременно, такъ какъ едва мой мулла успѣлъ досказать послѣднее слово, какъ ямщикъ, вытянувъ руку передъ собою, съ довольною улыбкою произнесъ:

— Вотъ и долина... Теперь лихо покатимъ... дорога легкая!

Въ эту минуту мы стояли на самомъ возвышенномъ мѣстѣ ущелья. Далеко до самаго горизонта разстилалась у нашихъ ногъ, въ видѣ богатаго зеленаго ковра, Илійская долина, окаймленная на-право отрогами Тянъ-Шаня, а на-лѣво отрогами хребта Боро Хоро, и пересѣченная во всю длину серебристою полоскою многоводной рѣки Или. На яркой зелени высокой травы темными пятнами выдѣлялись небольшіе кустики, полукруглыя киргизскія юрты, стада овецъ, табуны лошадей и верблюдовъ и маленькій, бѣленькій домикъ—станція Бащи, первая по дорогѣ въ Кульджу. Благополучно выбравшись по четырехверстному спуску изъ ущелья, мы быстро помчались по узенькой, хотя и съ частыми заворотами, но хорошо укатанной дорожкѣ.

Рѣзкая перемѣна декораціи чрезвычайно пріятно подѣйствовала на насъ обоихъ: гладкая, зеленая равнина, нѣжные ароматы сочныхъ, душистыхъ травъ, какая-то таинственная тишина, изрѣдка прерываемая веселыми напѣвами крылатыхъ обитателей долины—все это заставило забыть дальнюю дорогу и усталость и мы съ наслажденіемъ принялись любоваться совершенно для насъ новымъ зрѣлищемъ. Такимъ образомъ, восторгаясь прелестями долины, мы незамѣтно оставили позади себя три станціи,—Бащи, Айна-Булакъ и Кунуръ-Улепъ.

— Не дурно было бы теперь напиться кумысу... вотъ въ этомъ аулѣ, вдругъ нарушилъ молчаніе мой мулла, указывая на аулъ, виднѣвшійся не далеко отъ дороги.—И освѣжитъ, и силы придастъ.

Раньше испытавъ благодѣтельное дѣйствіе этого любимаго напитка кочевниковъ, я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе муллы. Мы свернули съ дороги, въѣхали въ высокую, въ ростъ человѣческій, густую траву и остановились вблизи одной юрты. Мигомъ тарантасъ нашъ былъ окруженъ всѣмъ населеніемъ аула. Съ веселою, добродушною улыбкою, прищуривъ маленькіе, продолговатые, блестящіе глазки уставились на насъ кочевники и удивленно, съ дурно скрываемымъ любопытствомъ ожидали отъ непрошенныхъ гостей объясненія неожиданнаго ихъ появленія. Отлично владѣя киргизскимъ нарѣчіемъ, мулла сообщилъ имъ наше желаніе.

— Хопъ, хопъ! Джаксы, джаксы! *) раздалось со всѣхъ сторонъ и нѣсколько киргизовъ поспѣшно отдѣлились отъ толпы и бѣгомъ пустились къ аулу. Оставшіеся между тѣмъ еще плотнѣе обступили насъ и закидали вопросами: «Кто мы такіе? Да откуда? Да куда ѣдемъ? Зачѣмъ?» и т. под. Более любопытнаго народа трудно найдти; киргизъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока всего подробно не разспроситъ и не разузнаетъ. Замѣчательно искустно успѣвалъ отвѣчать имъ мой спутникъ, пересыпая свою рѣчь различными остротами, прибаутками и побасенками, до которыхъ киргизы великіе охотники. Кочевники пришли въ неописанный восторгъ и шумными восклицаніями и дружнымъ хохотомъ выражали свое одобреніе. Ближе и ближе тѣснились они къ намъ и всѣ почти разомъ заговорили; а нѣсколько молодыхъ киргизокъ даже забрались къ намъ въ тарантасъ и безцеремонно помѣстились въ немъ, съ умиленіемъ прислушиваясь къ болтовнѣ муллы. Не смотря на безсвязный, оглушительный говоръ, намъ удалось однако почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія относительно нашего дальнѣйшаго путешествія. Такъ мы узнали, что скоро должны будемъ въѣхать въ большое ущелье, часто посѣщаемое барантачами, **) что бывали случаи нападеній, что далѣе за ущельемъ мѣстность гораздо хуже и пустыннѣе и что дорога непріятна. Какъ видите, свѣдѣнія были далеко неутѣшительны; но, зная хвастливость киргизовъ и любовь ихъ къ преувеличеніямъ и искаженіямъ, мы не придали большой вѣры ихъ разсказамъ.

Но вотъ появился молодой киргизъ съ громаднымъ кувшиномъ полнымъ до краевъ самаго лучшаго кумыса, и мы, схвативъ его, по обычаю кочевниковъ, обѣими руками, сдѣлали честь этому прохладительному и вмѣстѣ съ тѣмъ очень питательному напитку. Послѣ этого намъ стоило много труда уговорить гостепріимныхъ номадовъ принять плату за угощеніе; принять ее они согласились лишь тогда, когда получили отъ насъ обѣщаніе завернуть къ нимъ на возвратномъ пути. По дружески распрощавшись съ новыми знакомыми и напутствуемые ихъ пожеланіями всякаго благополучія, мы двинулись далѣе и черезъ какихъ-нибудь два часа уже проѣзжали

*) Яманъ-Алтынъ-Имель значитъ — дурное золотое сѣдло. Якшъ—хорошее. Народное преданіе гласитъ, что какой-то калмыцкій ханъ, спасаясь отъ преслѣдованій непріятеля, зарылъ въ первомъ изъ этихъ ущелій золотое сѣдло.

*) Хопъ-да; джаксы-хорошо.

**) Барантачи—совершающіе молодецкій набѣгъ, по нашему просто на просто разбойники.

НАРОДЫ РОССІИ.

Обдорскіе остяки.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

длиннымъ ущельемъ, перерѣзывающимъ цѣпь высокихъ холмовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Катта-Тау. Ущелье это прозвано туземцами Койбынскимъ. *) Въ давнія времена дно его, по всей вѣроятности, служило русломъ могучему горному потоку, отъ котораго нынѣ остался лишь мелкій ручеекъ, скромно переливающій свою тонкую струйку по гладко-отшлифованнымъ круглымъ каменьямъ. Лѣтомъ поѣздъ черезъ ущелье не представляетъ особенныхъ затрудненій, за то весною онъ сопряженъ съ значительными препятствіями, потому что ручеекъ превращается во время половодья въ быструю и довольно глубокую рѣку. Скалы, составляющія это ущелье, величественны и живописны. Вдругъ нашъ ямщикъ какъ-то судорожно завертѣлся на козлахъ, замахалъ кнутомъ и, не взирая на дурную, каменистую дорогу усердно принялся погонять начинавшихъ уже приставать лошадей.

— Что съ тобой?.. Зачѣмъ такъ гонишь? удивленно спросилъ я его.

Вмѣсто отвѣта онъ показалъ кнутомъ передъ собою. Вдали между скалами показались нѣсколько всадниковъ, которые, завидѣвъ насъ, мгновенно скрылись. Проскакавъ еще немного, мы выбрались изъ ущелья, поднялись на крутую гору и остановились передъ станціею Койбынъ.

— По крайней мѣрѣ, теперь скажи,—зачѣмъ, такъ гналъ лошадей? снова приступили мы къ ямщику съ разспросами.

— Видѣли вы между утесами конныхъ киргизовъ?.. Такъ знайте же,—то были барантачи, отвѣчалъ ямщикъ. — Ихъ всего видно было пять человѣкъ... Если-бы ихъ было побольше, да если бы мы ѣхали тихо, не сдобровать бы намъ.

— Чего же труснлъ? Они даже не дали намъ подъѣхать и скрылись, замѣтилъ мулла.

— Теперь-то вышло хорошо, возразилъ нашъ возница.—Но не всегда такъ бываетъ... Когда ихъ мало, они постоянно удираютъ, какъ только заприметятъ экипажъ; когда же ихъ много, то мигомъ обработаютъ дѣльце... Такой уже народецъ... хитрый и подлый!

Съ горы, на которой находилась станція, открывался великолѣпный видъ на прекрасную рѣку Или и ея низменные берега, щедро надѣленные самою разнообразною растительностью. Дорога отъ Койбына до мѣстечка Бороходзиръ до-нельзя скучна и утомительна; цѣлыхъ 25 верстъ приходится тащиться сперва по голымъ холмамъ и пыльнымъ лощинамъ, а потомъ трястись по кочкамъ и безпрерывно испытывать толчки, перебираясь черезъ многочисленныя канавки и вымоины, вдоль и поперегъ на огромномъ пространствѣ изборождившія всю мѣстность. Поздно вечеромъ едва-едва дотащили насъ измученныя лошадки до Бороходзира. Спѣша скорѣе достигнуть цѣли нашего путешествія, мы потребовали лошадей.

— Ночью у насъ ѣхать не принято, отвѣчалъ станціонный смотритель. — Вотъ-съ извольте взглянуть и сами убѣдитесь.

И онъ указалъ на вывѣшенное рядомъ съ почтовымъ росписаніемъ объявленіе о томъ, чтобы проѣзжающіе не рисковали пускаться въ дорогу. ночью, иначе могутъ подвергнуться нападеніямъ барантачей, а въ случаѣ крайней необходимости ѣхать въ ночную пору, чтобы непремѣнно запаслись какимъ-нибудь оружіемъ.

— Развѣ у васъ часто случались грабежи? спросилъ я, озадаченный этимъ зловѣщимъ предостереженіемъ.

— Какъ же-съ... бываютъ, отвѣчалъ смотритель. — Недавно еще ограбили штабсъ-капитана Эмана.

Было бы безуміемъ не послушаться добраго совѣта и мы кое какъ расположились въ крошечной, низенькой каморкѣ; хотя комары и разныя мошки ни минуты не давали покоя, ихъ уколы были однако пріятнѣе перспективы сдѣлаться добычею наглыхъ барантачей.

*) Койбынъ-саванъ.

Бороходзиръ былъ сперва нашимъ передовымъ военнымъ пунктомъ, а въ 1868 году онъ изъ маленькаго пикета превратился въ мѣсто стоянки нашего пограничнаго отряда. Скоро появились тамъ казармы, госпиталь, помѣщенія для офицеровъ и разныхъ складовъ; вслѣдъ за тѣмъ прибыли туда первые поселенцы — раззоренные эмигранты, укрывшіеся подъ защиту русскихъ воиновъ отъ кульджинскихъ междоусобицъ. Изъ превосходнаго жженнаго кирпича, взятаго изъ разрушенныхъ, когда-то богатыхъ городовъ, построились домики, скоро сплотившіеся въ цѣлую слободку. Во время моего проѣзда въ мѣстечкѣ насчитывалось, кромѣ туземныхъ строеній, до 65 домовъ исключительно съ русскимъ населеніемъ.

На слѣдующій день, рано утромъ, мы покинули мѣстечко и направились къ станціи Аккендъ, стоящей близъ развалинъ стариннаго города того же имени.

Въ былыя времена Илійская долина, начиная отъ рѣчки Бороходзиръ, протекающей мимо упомянутаго мѣстечка, славилась своею роскошною природою и чрезвычайно богатымъ населеніемъ. И теперь, пожалуй, то здѣсь, то тамъ попадаются красивыя рощицы изъ карагача *) и тала **), прелестные раздольные луга, рисовыя, пшеничныя и др. поля и т. д.; но все это въ такомъ ограниченномъ количествѣ и въ такомъ миніатюрномъ видѣ, что нѣтъ никакой возможности составить себѣ вѣрное понятіе о минувшемъ процвѣтаніи края. Междоусобныя войны тяжело обрушились на этотъ, по истинѣ сказать, лучшій и наиболѣе привлекательный уголокъ средней Азіи. Прежде возвышались здѣсь многолюдные, красивые, хорошо обстроенные города съ причудливыми зданіями въ китайскомъ и мавританскомъ стилѣ, — теперь же виднѣются однѣ лишь развалины. Здѣсь валяется въ пыли отлично выдѣланный изъ камня китайскій левъ, когда-то, вѣроятно, стоявшій у подъѣзда какого-нибудь сановника. Тамъ навалена безобразная куча превосходно обожженнаго кирпича, звенящаго не хуже фарфора и не поддающагося ни холоду, ни сырости,—грустные обломки какого-нибудь дворца или зданія молитвы. Рядомъ съ разноцвѣтнымъ изразцемъ торчитъ вычурная желѣзная черепица. То и дѣло попадаются на глаза черепа и кости людей и животныхъ. Все покрылось пылью, пескомъ, мхомъ и плѣсенью. Самымъ варварскимъ способомъ велась война въ этомъ краѣ: что не поддавалось мечу, уничтожалось огнемъ; кровь лилась рѣками, наравнѣ съ воинами гибли женщины, старцы и дѣти; собаки, лошади, коровы и другія животныя также не имѣли пощады; покончивъ съ живыми существами, побѣдители обрушивали всю свою ярость на зданія и даже на растительность. Такъ погибли навсегда большіе города—Тургень, Джаркендъ, Аккендъ, Хоргосъ (Кургашъ), Чимпандзе и многіе другіе. Теперь много потребуется усилій и времени, чтобы поднять край на прежній уровень. И не смотря на всѣ эти ужасныя невзгоды, можно безошибочно сказать, что страна не лишилась еще всѣхъ своихъ богатствъ и при хорошемъ управленіи имѣетъ еще много шансовъ на счастливую будущность. Одинъ климатъ чего стоитъ! Зима длится всего два мѣсяца (обыкновенно считаютъ ее отъ 15 декабря до 15 февраля), снѣга выпадаетъ немного. Холода весьма умѣренны; разливы горныхъ рѣкъ и сильные дожди способствуютъ урожаямъ; грязи почти не бываетъ, такъ какъ все скоро высыхаетъ. Чего же еще?.. Давайте побольше рабочихъ рукъ и край будетъ не узнаваемъ.

*) Карагачъ — черное дерево.

**) Талъ — тополь.

Мелкимъ кустарникомъ мы незамѣтно подъѣхали къ низменнымъ берегамъ р. Усекъ, вытекающей изъ хребта Боро-Хоро. Весною при полной водѣ о переправѣ черезъ Усекъ нельзя и думать; даже въ лѣтнее время, не смотря на его мелководіе, переправа небезопасна, такъ какъ онъ широкъ и его теченіе до того быстро, что сворачиваетъ съ мѣста большія каменныя глыбы и съ корнемъ вырываетъ деревья. По неимѣнію моста черезъ Усекъ перебираются въ бродъ, — малѣйшая неосмотрительность и экипажъ перевертывается и вмѣстѣ съ лошадьми и сѣдоками далеко уносится по теченію. На станціи Аккендъ мнѣ разсказывали, что нѣсколько дней до моего проѣзда одинъ тарантасъ былъ опрокинутъ и офицеръ, ѣхавшій въ немъ, разшибся до смерти. Поэтому не удивительно, что я съ дурно скрываемымъ волненіемъ приглядывался къ приготовленіямъ, которыя обыкновенно предшествуютъ переправѣ. Къ нашему тарантасу подъѣхали верхомъ 10 человѣкъ киргизовъ, всѣ въ костюмѣ Адама, прицѣпились къ нему каждый съ веревками *) и съ оглушительнымъ крикомъ и визгомъ ринулись въ рѣку. Застучали по круглымъ каменьямъ, которыми усѣяно дно рѣки, колеса тарантаса, веревки натянулись, тяжело храпя, поплыли лошади, ямщикъ и киргизы, точно бѣсноватые, защелкали кнутами и нагайками и заорали, что было мочи. Отъ стремительнаго напора всей этой ватаги, вспѣнилась рѣка, забурлили, заплескали, зашумѣли ея волны, какъ-будто гнѣваясь на наше дерзкое вторженіе въ ихъ предѣлы. Все завертѣлось, задвигалось вокругъ насъ,—какъ предметы одушевленные, такъ и неодушевленные.

«А если сломается колесо, или веревка лопнетъ, или отнесетъ на камень или на дерево!.. Что будетъ тогда съ нами?» мелькнуло у меня въ головѣ.

У муллы въ это время мысли были не менѣе тревожны.

Но, благодаря ловкости киргизовъ, все обошлось наилучшимъ образомъ и мы съ облегченнымъ сердцемъ увидѣли себя на твердомъ грунтѣ. Послѣ этого толчки на ухабахъ, тряска по колеямъ и безпрестанное хлестаніе въ глаза густыхъ вѣтвей частаго кустарника показались намъ милою, пріятною шуткою. Каково же было наше удивленіе, когда, добравшись до станціи Хоргосъ, расположенной на развалинахъ города Хоргоса (Каргуша), мы узнали отъ станціоннаго смотрителя, что впереди насъ ожидала новая переправа, подобная первой, черезъ рѣку Хоргосъ, берущую свое начало также въ хребтѣ Боро-Хоро. Но, видно, мы выѣхали въ счастливый часъ, такъ какъ и эта переправа была совершена безъ всякихъ непріятныхъ приключеній.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Машины и большой размѣръ производства.

Существуетъ неустранимый экономическій законъ, который ведетъ человѣчество къ большему и большему всеобщему благосостоянію. Никакіе частные протесты, никакія софистическія или одностороннія теоріи не въ состояніи помѣшать этому движенію свершающемуся роковымъ образомъ. Сознаютъ-ли этотъ законъ люди, или не сознаютъ, — они подчинялись, подчиняются и будутъ подчиняться его влекущей силѣ. Этотъ основной экономическій законъ гласитъ, что единственное условіе успѣшности труда заключается въ возможно меньшей затратѣ силъ и въ полученіи возможно большаго отъ нея результата. Всѣ формы

*) Киргизы привязываютъ одинъ конецъ веревокъ къ колесу, дышлу или къ другой какой-нибудь части тарантаса, хватаются за другіе концы и тянутъ въ противоположномъ теченію направленіи.

сочетанія труда, всѣ человѣческія изобрѣтенія имѣютъ только эту основную цѣль и, стремясь къ возможной экономіи труда и удешевленію его продуктовъ, люди, въ сущности, ведутся роковымъ и незамѣтнымъ образомъ къ гармоническому слiянію въ одномъ общемъ интересѣ всѣхъ отдѣльныхъ единоличныхъ производовъ.

Мы, современники, уже пережили острый моментъ, создавшійся первымъ вліяніемъ машинъ, которыя произвели полную революцію не только въ экономическомъ, но въ семейномъ и соціальномъ бытѣ Европы. До изобрѣтенія машинъ почти не существовало фабричнаго и заводскаго производства, а работникъ работалъ или на дому въ своей семьѣ, или въ небольшихъ мастерскихъ. Производство было по преимуществу домашнее, вродѣ теперешней нашей кустарной промышленности; въ работѣ принимали участіе жена и дѣти хозяина и ремесло передавалось наслѣдственно отъ отца къ сыну, отъ семьи къ семьѣ. Съ изобрѣтеніемъ машинъ этотъ патріархальный семейный порядокъ исчезъ сразу. Благодаря механическому веретену, то, что дѣлалось прежде шестнадцатью работниками, стало дѣлаться одной машиной съ однимъ при ней работникомъ. Затѣмъ явился цѣлый рядъ подобныхъ же изобрѣтеній, которыя всѣ клонятся къ экономіи труда и къ замѣнѣ человѣческой силы силою машины. Семейный трудъ, когда все дѣлалось простыми ручными орудіями, не могъ теперь соперничать съ машиннымъ трудомъ, да и семейное производство оказывалось невозможнымъ. Начались постройки огромныхъ фабрикъ и мануфактуръ и сложилась такъ-называемая фабричная система съ ея стремленіемъ къ возможному удешевленію труда. Дешевый трудъ заключался въ томъ, что фабрика вытѣсняла единичнаго работника и замѣняла мужской трудъ трудомъ женщинъ и дѣтей. Да и къ чему былъ нуженъ теперь болѣе сильный и энергическій трудъ мужчины, когда при машинахъ тѣ же самыя услуги оказывали женщины и дѣти! Математическій расчетъ требовалъ извлекать изъ человѣческой силы возможно большую выгоду, а такъ какъ этой выгоды получалось больше, когда рабочій работалъ дольше, то мужчины, женщины и дѣти проводили на фабрикахъ цѣлые дни, а приходили домой только для ночлега. Семейная жизнь исчезла, семейныхъ добродѣтелей больше уже не требовалось и скученіе рабочихъ безъ различія пола и возраста сдѣлало фабрики разсадникомъ всякихъ безобразій и распутства.

Неоспоримо, что фабричная система представляла выгоды. Существовавшій до машинной системы процесъ малаго производства, конечно, не могъ дѣлать тѣхъ выгодъ, какія стали дѣлать производства большого размѣра. Чѣмъ больше предпріятіе, тѣмъ, конечно, удобнѣе провести такую систему раздѣленія труда, гдѣ работа разсчитана математически и человѣкъ работаетъ съ точностью машины, какъ заведенные часы. При семейномъ производствѣ и особенно безъ машинъ подобная точность невозможна. Фабричное производство въ большихъ размѣрахъ, кромѣ экономіи труда, представляло и экономію въ издержкахъ. Предположимъ, что производство идетъ семейнымъ образомъ и въ распоряженіи семьи находится всего только одинъ ткацкій станокъ. Для надзора за этимъ станкомъ нуженъ, конечно, одинъ машинистъ, а, слѣдовательно, для всего ткацкаго производства потребуется столько машинистовъ, сколько имѣется станковъ. Но вѣдь каждый изъ этихъ машинистовъ не станетъ же тратить все свое время для надзора за машиной, а, слѣдовательно, громадная масса времени пропадетъ у машинистовъ даромъ, непроизводительно. Ясно, что фабрика находится въ положеніи болѣе выгодномъ и, нанимая машиниста, она устроитъ свои дѣла такъ, что число машинъ будетъ у нея соотвѣтствовать возможности занять все время машиниста и завести число машинистовъ, соотвѣтствующее числу машинъ. Такой же расчетъ будетъ примѣненъ и ко всему остальному. Число рабочихъ будетъ на фабрикѣ такое же, чтобы все время ихъ было поглощено работой и чтобы число ихъ соотвѣтствовало тоже числу машинъ. Проводя этотъ расчетъ дальше, фабрика найдетъ болѣе выгоднымъ, вмѣсто освѣщенія керосиномъ или свѣчами, ввести освѣщеніе газовое и добывать газъ у себя на фабрикѣ. Число агентовъ, служащихъ при фабрикѣ, сторожей, досмотрщиковъ и т. д., подчиняется закону того же разсчета и потому вполнѣ очевидно, что при фабричной системѣ оказывается возможность такой строго точной организаціи производства, при которой каждый отдѣльный трудъ будетъ давать наивозможно выгодный результатъ, а, слѣдовательно, съ возможно выгодной эксплуатаціей труда явится возможность доведенія до минимума издержекъ производства. Наконецъ, причина появленія большихъ фабрикъ заключалась еще и въ томъ, что дорого стоющія машины были не подъ силу для рабочихъ и, заводя машину, фабрикантъ долженъ былъ пользоваться всею ея силою и не только получить отъ нея все то, что она въ состояніи произвести, дѣйствуя полной силой, но и имѣть возможность сбыть все, что она произведетъ.

Когда фабричная система дошла до своего полнаго развитія, капиталисты замѣтили, что, соединяя свои капиталы, они могутъ достигнуть еще большихъ выгодъ. Примѣръ этотъ указали сначала богатые капиталисты, приглашавшіе другъ друга въ компаніоны, а затѣмъ ихъ примѣру стали слѣдовать и люди съ меньшими средствами и создалась система акціонерныхъ предпріятій, въ которыхъ большой капиталъ составляется изъ многихъ мелкихъ взносовъ.

Причины, по которымъ акціонерныя предпріятія привились такъ скоро, заключались въ томъ, что у многихъ людей явились излишки денегъ, которые не могли быть ими употреблены ни для какого отдѣльнаго предпріятія, а между тѣмъ процентъ, который они могли на нихъ получить въ промышленныхъ оборотахъ, былъ выше банковаго процента. Далѣе, есть множество предпріятій, которыя требуютъ капитала, превышающаго средства самаго богатаго отдѣльнаго человѣка. Никакой отдѣльный капиталистъ не въ состояніи построить желѣзную дорогу отъ Петербурга до Москвы, или отъ Москвы до Нижняго, между тѣмъ какъ акціонерными предпріятіями подобныя сооруженія производятся легко. Тоже самое можно сказать и о пароходныхъ сообщеніяхъ, которыя оказались возможными въ нынѣшнихъ размѣрахъ, благодаря исключительно соединенію мелкихъ капиталовъ въ одинъ общій акціонерный.

Конечно, нельзя отрицать, что большой размѣръ производства, создавшій машинно-капиталистическую систему, способствовалъ возможности появленія такихъ предпріятій, которыя безъ этого никогда бы не существовали, что, благодаря сосредоточенному дѣйствію капиталовъ, явились не только масса дешевыхъ продуктовъ, но и возможность удовлетворенія такихъ потребностей, которыя безъ этого никогда не были бы удовлетворены. Благодаря акціонерной системѣ, Европа покрылась вездѣ желѣзными дорогами, десятки тысячъ пароходовъ держатъ срочныя сообщенія между всѣми концами міра и средства сообщенія облегчились настолько, что въ настоящее время жители Парижа и Петербурга оказываются гораздо ближе другъ другу, чѣмъ до желѣзныхъ дорогъ жители Петербурга и Твери. Благодаря фабричной и заводской системѣ, деревня, лежащая въ захолустьи, ходитъ въ ситцевыхъ платьяхъ, пьетъ чай съ сахаромъ, а часы, считавшіяся еще лѣтъ двадцать назадъ роскошью, доступною не всякому, носитъ теперь всякій приказчикъ. Однимъ словомъ, благодаря фабричной системѣ, явилась возможность дешеваго производства и распространенія въ народѣ тѣхъ фабричныхъ предметовъ, которые до изобрѣтенія машинъ были совершенно неизвѣстны. Понятно, что капиталисты и защитники фабричной системы склонны приписывать ей слишкомъ большое благодѣтельное вліяніе. Они указываютъ на громадные итоги фабричной промышленности, на милліоны аршинъ дешевыхъ ситцевъ, суконъ и разныхъ матерій для одежды, на милліоны пудовъ дешеваго сахара и на страшные капиталы, поглощенные торговлей и разными акціонерными предпріятіями, облегчившіе всевозможныя сношенія и создавшіе обмѣнъ продуктовъ такихъ разнообразныхъ странъ и климатовъ, что петербургскій житель, сидя у себя дома, можетъ получить всѣ произведенія американской природы и издѣлія французскихъ и англійскихъ фабрикъ, а Австралія, благодаря тѣмъ же облегченнымъ сношеніямъ, выстроила рядъ городовъ, неуступающихъ ни чѣмъ Лондону, Парижу и Петербургу.

Но если задачи экономическихъ усилій человѣчества заключаются въ томъ, чтобы довести трудъ до возможно выгодной затраты, то конечно, система большого размѣра производства и фабричная система въ томъ видѣ, какъ они сложились, представляютъ противорѣчія съ тѣмъ основнымъ закономъ, выразителемъ котораго они думали явиться.

Всякая экономическая выгода зависитъ отъ двухъ основныхъ фактовъ: искуства рабочаго и его нравственныхъ качествъ. При какой же формѣ труда эти два фактора достигаютъ наивысшаго развитія? Такъ какъ акціонерныя предпріятія изображаютъ наивысшій предѣлъ капиталистическаго производства, то на этой формѣ организаціи труда, конечно, удобнѣе всего прослѣдить его выгодныя и невыгодныя стороны.

Когда производитель является самъ хозяиномъ своего дѣла, то въ его личной заинтересованности заключается наибольшая вѣроятность производительности его труда. Эта простая экономическая истина давно нашла себѣ формулу въ англійской поговоркѣ—«если хочешь, чтобы твое дѣло было испорчено,—поручи его другому». При фабричномъ производствѣ на личномъ началѣ, конечно, хозяйскій глазъ ближе къ дѣлу, чѣмъ при акціонерномъ, но и тутъ хозяину невозможно углядѣть за всѣмъ самому. Что же касается до предпріятій акціонерныхъ, то они всегда поручаются наемнымъ служащимъ. Начиная съ низшихъ лицъ до совѣта управленія или директоровъ предпріятія, весь персоналъ акціонернаго управленія состоитъ изъ лицъ по найму. Къ чему ведетъ и чѣмъ кончается подобный порядокъ, русскому читателю извѣстно очень хорошо изъ исторіи Струстберга, Юханцева, цѣлаго ряда похищеній изъ одесскаго, кіевскаго, харьковскаго и другихъ банковъ и изъ управленія нашихъ желѣзныхъ дорогъ, вызвавшаго, наконецъ, высочайше утвержденную коммисію для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи. Опытъ, который мы повторили на нашихъ акціонерныхъ предпріятіяхъ, былъ давно извѣстенъ каждой хозяйкѣ и сущность его заключается въ томъ, что наемные люди ведутъ дѣло гораздо хуже, чѣмъ лица, лично заинтересованныя, или хозяева. Это обстоятельство отражается на издержкахъ производства гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ, ибо порождаетъ то, что называется человѣческой безчестностью и съ чѣмъ борьба вовсе не такъ легка. Необходимость постояннаго надзора за производителями порождаетъ цѣлую систему контроля и большіе расходы на содержаніе ревизоровъ, контролеровъ, досмотрщиковъ, всякихъ десятниковъ и т. д.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Б. ДЖУЛИАНО.

Угадай, кто? Рѣзалъ на деревѣ Голевинскій.

Послѣ карнавала. (КАРТИНА А. ЛЮБЕНА.) Рѣзалъ на деревѣ г. Рихтеръ, въ С.-Петербургѣ.

Какъ ни трудна борьба съ человѣческой нечестностью, противъ которой только одно средство—вѣрность и усердіе, но ихъ еще можно достигнуть кое-какъ извѣстнаго рода поощреніями. Но есть условіе, самое важное и стоящее во главѣ всѣхъ,—чтобъ мысли распорядителей и исполнителей были постоянно заняты тѣмъ дѣломъ, къ которому они приставлены. Этой сосредоточенности мысли на хозяйскомъ или акціонерномъ интересѣ невозможно достигнуть никакими средствами и ни одинъ человѣкъ въ мірѣ никогда не станетъ интересоваться чужимъ дѣломъ настолько, насколько онъ интересуется своимъ Высшая заинтересованность дѣломъ можетъ явиться только вслѣдствіе вліянія интересовъ наемниковъ или производителей съ интересами самого дѣла и задача эта до сихъ поръ разрѣшалась только въ мелкомъ производствѣ. Въ немъ, да и то не всегда, но все-таки возможна личная привязанность между служителями и хозяевами, а вслѣдствіе этого и чувство общности интересовъ. Но какъ создать личную привязанность и общность интересовъ на фабрикѣ, гдѣ служащій и рабочій персоналъ составляетъ двѣ, три, а иногда шесть тысячъ человѣкъ или въ управленіи желѣзной дорогой, когда экономическое и общественное разстояніе между какимъ нибудь стрѣлочникомъ и управляющимъ дорогою даже не допускаютъ мысли о какой бы то ни было общности.

Недостатокъ вниманія и привычка обращаться съ большими суммами приводятъ въ акціонерныхъ предпріятіяхъ къ тому, что мелкіе расходы считаются ни за что. Вслѣдствіе этого является ненужная щедрость и мелкія издержки въ концѣ концовъ достигаютъ весьма чувствительныхъ итоговъ. Все это, взятое вмѣстѣ, заставило Адама Смита возвести въ принципъ необходимость поддержанія акціонерныхъ препріятій привилегіями и правительственными субсидіями. Этотъ опытъ и намъ сдѣлался теперь извѣстенъ и едва-ли въ Россіи сыщется хоть одно акціонерное предпріятіе, которое не желало бы разныя свои неумѣлости пополнить на счетъ разныхъ правительственныхъ субсидій, единовременныхъ или даже постоянныхъ.

Чтобы заинтересовать рабочихъ, была сдѣлана попытка введенія поштучной платы, или, выражаясь циническимъ языкомъ, вознагражденія за количество исполненной работы. Но такое вознагражденіе не всегда и вездѣ возможно. Можно поштучно платить сапожнику, портному и вообще ввести этотъ принципъ тамъ, гдѣ возможенъ ручной трудъ. Но какъ только дѣло коснется машиннаго, фабричнаго, заводскаго производства, гдѣ требуется коллективный сосредоточенный трудъ, поштучная плата дѣлается невозможной.

Наконецъ, для большого производства требуется и большой рынокъ. Чѣмъ производство достигаетъ большаго размѣра, тѣмъ, конечно, требуется болѣе широкій сбытъ его прозведеній. Рынкомъ для сбыта можетъ быть или сама производящая страна или другія страны. Въ томъ и въ другомъ случаѣ требуется имѣть потребителя. Если страна не настолько многолюдна и не настолько процвѣтаетъ, чтобы въ ней явился достаточно обезпеченный потребитель, то большое производство стремится создать себѣ рынки внѣ. Изъ этого, особенно въ послѣднее время, возникъ цѣлый рядъ очень прискорбныхъ послѣдствій, которыя показали, насколько большое производство даже по существу своему лишено возможности создавать себѣ обезпеченные рынки. Прежде, когда производитель жилъ своимъ простымъ, патріархальнымъ бытомъ, какъ живутъ нынче, напримѣръ, ремесленники, каждый производитель зналъ своего потребителя и не рисковалъ затратой труда въ счетъ будущаго, невѣрнаго вознагражденія. Съ акціонерными предпріятіями и фабричнымъ производствомъ большого размѣра все дѣло приняло иной видъ. Представьте себѣ фабрику перочинныхъ ножей и стальныхъ перьевъ. Она изготовляетъ ихъ десятками тысячъ и сама не знаетъ, на кого работаетъ. Конечно, сбытъ можетъ явиться, но онъ можетъ и не явиться. И вотъ является цѣлый рядъ случайностей, рисковъ, необходимости имѣть особыхъ коммиссіонеровъ и путешествующихъ прикащиковъ и содержаніе ихъ вмѣстѣ съ процентомъ на капиталъ, затраченный на лежащій товаръ, падаетъ новыми издержками на производство и дѣлаетъ его дороже. Погоня за неизвѣстнымъ покупателемъ и за случайнымъ рынкомъ, который большею частью берется съ боя, породила рядъ печальныхъ явленій, извѣстныхъ подъ именемъ акціонерной и учредительской горячки, которая привела къ цѣлому ряду промышленныхъ кризисовъ. Ближайшій поучительный примѣръ этого рода представляетъ Пруссія послѣ пяти милліардовъ контрибуціи, которую она взяла съ французовъ. Нѣмцы обрадовались воображаемому богатству, которое къ нимъ свалилось съ неба, и завели цѣлый рядъ акціонерныхъ предпріятій. Оживленіе было очень большое. Спросъ на рабочихъ возросъ внезапно и были случаи, когда поденныя платы возвышались даже до пяти талеровъ. Деньги полились на рабочаго золотымъ дождемъ, онъ встрепенулся, ожилъ и возмечталъ о необыкновенномъ благополучіи. Въ окрестностяхъ Берлина точно чудомъ возникли цѣлыя предмѣстья и рядъ ресторановъ и пивныхъ, въ которыя разбогатѣвшіе рабочіе являлись въ цилиндрахъ, а жены ихъ въ шелковыхъ платьяхъ. Но скоро обнаружилось, что акціонернымъ предпріятіямъ работать не на кого, что всѣ проэкты учредителей большею частью дутые, и тогда за возбужденіемъ послѣдовало также быстро охлажденіе и женамъ рабочихъ пришлось продать свои шелковыя платья, а мужьямъ ихъ отказаться отъ пива и отъ цилиндровъ.

Есть и еще особенность, характеризующая производство большихъ размѣровъ. Особенность эта заключается въ томъ, что производства большого размѣра гоняются обыкновенно за выгоднымъ покупателемъ и потребителемъ высшихъ сортовъ продуктовъ, требующихъ и лучшаго матеріяла и болѣе тонкой работы. Отъ этого производства, которыми завладѣла крупная промышленность, получили высшій аристократическій характеръ и не желаютъ знать первыхъ надобностей бѣднаго потребителя. Иначе сказать, большая промышленность не работаетъ на массу потребителей, у ней есть свой спеціальный потребитель болѣе высокаго полета и свои спеціальные рынки, пріурочившіеся къ большимъ и богатымъ городамъ. Явленіе это вы можете наблюдать, сравнивъ, напримѣръ, всю петербургскую торговлю съ лавочной и базарной торговлей какого-нибудь уѣзднаго городка. Въ Петербургѣ глазъ разбѣгается на множествѣ разнообразныхъ и болѣе или менѣе утонченныхъ предметахъ фабричнаго и заводскаго производства, тогда какъ на базарѣ уѣзднаго города вы видите только мужицкіе сапоги, хомутныя плещи, дуги грошовой работы, веревки, деготь, ободья, рукавицы, которыхъ не работаютъ фабриканты, снабжающіе своими издѣліями Штанге, Кумберга и магазины Гостиннаго и Апраксина двора. Такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что, если производство большого размѣра и представляетъ, повидимому, выгоды удешевленія труда, но какъ въ тоже время организація этого производства требуетъ усложненія, наемныхъ исполнителей, контроля, созиданія новыхъ рынковъ съ неизвѣстными и случайными потребителями, то выгоды акціонерности въ той формѣ, какъ она сложилась, являются настолько сомнительными, что эта форма производства, въ своемъ настоящемъ видѣ, удержаться будетъ не въ состояніи.

Есть извѣстные предѣлы, дальше котораго большое производство идти не можетъ, и тѣже самыя машины, которыя создали его, начинаютъ его понемногу различать. Машины, разрушившія семью, выгнавшія рабочаго изъ дома на фабрику и создавшія фабричную систему, которая, повидимому, дошла уже до своего апогея, тѣже самыя машины уже создаютъ новое движеніе въ организаціи труда и снова возвращаютъ рабочаго въ его семью и въ его домъ. Началомъ этого движенія послужила швейная машина, затѣмъ, на послѣдней парижской выставкѣ явился цѣлый рядъ машинъ для домашняго производства и, между прочимъ, маленькіе двигатели въ одну—четыре человѣческія силы, которые могутъ удобно дѣйствовать въ любой комнатѣ. Конечно, въ настоящее время нельзя предусмотрѣть, въ какомъ видѣ свершится борьба домашняго производства, стремящагося снова водвориться, но мы и говоримъ не объ этомъ. Мы говоримъ о томъ, что изобрѣтеніе машинъ, имѣвши цѣлью освободить человѣческій трудъ и замѣнить его трудомъ природы только подъ управленіемъ человѣка, собственной своей логикой должно придти къ той задачѣ, которую оно преслѣдовало, а задачей этой ни въ какомъ случаѣ нельзя считать фабричную систему. Мы говоримъ о томъ, что та самая машина, которая создала фабричнаго рабочаго, и освободитъ его отъ фабричной зависимости и возстановитъ опять семью и домашній очагъ рабочаго. Свершится ли это сегодня, или завтра, или черезъ сто лѣтъ для экономическаго сознанія все равно. Достаточно того, что мы убѣдились, что фабричная система въ ея теперешнемъ видѣ есть переходная форма производства и что за ней должна наступить гармонія между крупной и семейно-домашней производительностью и что движеніе въ этомъ направленіи уже опредѣлилось.

Наконецъ, таже машина, которая въ началѣ оскотоподобила производителя, создаетъ ему досугъ для мысли. Извѣстно, что фабричная система съ крайнимъ раздѣленіемъ труда подѣйствовала въ началѣ очень притупляющимъ образомъ на рабочихъ, сокративъ ихъ кругозоръ и взглядъ на общій ходъ производства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ машины уменьшили мускульный трудъ и съ экономіей въ затратѣ мускульныхъ силъ вызвали болѣе сильную умственную дѣятельность. Въ сущности, рабочій, приставленный къ машинѣ, есть только контролирующая сила, а какъ контролирующая сила онъ необходимо долженъ достигнуть извѣстнаго развитія мысли. Вліяніе машинъ на умственное развитіе легко увидѣть изъ сравненія городскихъ и фабричныхъ рабочихъ съ рабочими земледѣльческими, которые являются тружениками исключительно мускульными. Повсюду земледѣльческое населеніе является консервативнымъ элементомъ, тогда какъ рабочіе фабрикъ и заводовъ представляютъ вездѣ наиболѣе мыслящую часть массы населенія. Очень можетъ быть, что они еще преисполнены разныхъ предразсудковъ и ошибочныхъ мыслей, можетъ быть, иногда о собственныхъ интересахъ они судятъ неправильно, но мы говоримъ не объ этомъ, а хотимъ только показать читателю, какимъ путемъ все то, что клонилось къ экономіи мускульнаго человѣческаго труда, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ прогрессу мысли, а вмѣстѣ съ прогрессомъ мысли къ общему экономическому благосостоянію.

Къ рисункамъ.

Послѣ карнавала. Шумно и весело летятъ безпутные дни карнавала. Пестрыя толпы наряженныхъ людей снуютъ по улицамъ. Коломбины и пьерро, полишинели и дебардерки мелькаютъ

передъ глазами. Изъ оконъ и съ балконовъ, вездѣ и всюду сыплятся цвѣты и свертки конфетъ. Въ тавернахъ и въ кафе вино льется черезъ край, всѣ пьютъ, всѣ веселятся, не умолкая, не отдыхая ни на минуту. Быстро летятъ эти дни всеобщаго одуренія, но вотъ и постъ—все умолкаетъ, раздается только звонъ церковныхъ колоколовъ, сзывающій къ молитвѣ и покаянію. Но не вдругъ отрезвится тотъ, кто прокутилъ нѣсколько дней подъ рядъ, кто съ вечера успѣлъ выпить не въ мѣру вина. Шатаясь, возвращается такой человѣкъ домой, съ трудомъ отыскиваетъ въ карманѣ ключъ отъ своихъ дверей и—тутъ-то и является величайшее затрудненіе—ему надо попасть ключемъ въ замочную скважину, а ноги не держутъ на мѣстѣ, глаза слипаются, руки дрожатъ и не повинуются, ключь никакъ не попадаетъ туда, куда слѣдуетъ. Именно этотъ моментъ выбралъ художникъ для своей картины и, надо ему отдать справедливость, его картина вышла полнымъ юмора произведеніемъ. Онъ не забылъ даже собаки подгулявшаго господина, наѣвшейся въ дни карнавала всякой дряни, и конфетъ, и мяса, и чувствующей теперь тошноту, что ясно видно изъ ея плачевной позы у хозяйскихъ дверей: она подкутила не меньше своего хозяина, рыская по цѣлымъ днямъ по улицѣ.

Угадай, кто? Картина Джуліано—поэтическая страничка юношеской любви, юношескихъ шалостей. Художникъ перенесъ мѣсто дѣйствія на югъ и отодвинулъ его въ давно прошедшіе вѣка, чтобы воспользоваться прелестью простыхъ и красивыхъ древнихъ нарядовъ, не уродующихъ и не скрывающихъ прекрасныхъ молодыхъ формъ дѣйствующихъ лицъ.

Кромѣ этихъ двухъ картинъ въ настоящемъ нумерѣ наши читатели найдутъ портретъ г-жи Федотовой, которой біографія будетъ помѣщена въ слѣдующемъ нумерѣ, видъ Грахова, къ статьямъ д-ра Щербака, картинку къ «Народамъ Россіи» С. С. Шашкова, «Гору Питеръ-Ботъ», о которой говорится въ отдѣльной статьѣ, и иллюстрацію къ войнѣ англичанъ съ зулусами.

Смѣсь.

— **Жертва спиритизма.** Земледѣлецъ Мартино, сорока пяти лѣтъ отъ роду, попалъ на скамью подсудимыхъ по милости духовъ. Онъ никогда не призывалъ ихъ, они сами къ нему являются, бесѣдуютъ съ нимъ и даютъ ему прескверные совѣты. Но этого мало, они заставляютъ его путешествовать по такимъ мѣстамъ, куда обыкновеннымъ смертнымъ входъ недоступенъ, какъ, напримѣръ, въ рай и въ адъ. Однажды, когда, насмотрѣвшись тамъ всевозможныхъ курьезовъ, Мартино благополучно вернулся домой, духи совершенно овладѣли его волей и, потребовавъ отъ него полнѣйшаго и безпрекословнаго повиновенія, объявили ему слѣдующее: «да будетъ тебѣ извѣстно, что г. Бордъ, сосѣдній землевладѣлецъ, которому ты долженъ по векселю 500 франковъ, уѣхалъ сегодня съ женой и служанкой въ городъ къ роднымъ. Двери и окна своего дома онъ заперъ передъ отъѣздомъ, но это ничего не значитъ, тебѣ стоитъ только сдѣлать отверстіе въ ставнѣ, просунуть туда руку и отворить окно. Въ домѣ есть деньги, ступай!» Мартино смѣло повиновался приказанію своихъ сверхъестественныхъ руководителей и пролѣзъ черезъ окно въ домъ сосѣда; но, къ несчастію, духи забыли сказать ему, гдѣ именно г. Бордъ хранитъ свои деньги. А можетъ быть, они умышленно утаили отъ него эту подробность, извѣстно, что духи большіе шутники и не прочь издѣваться надъ несчастными смертными. Какъ бы тамъ ни было, но денегъ, 3,000 фр., спрятанныхъ въ бюро, Мартино не нашелъ и ограничился похищеніемъ горшка съ жиромъ, немного табаку и шоколаду, а также нѣсколькихъ долговыхъ обязательствъ, въ числѣ которыхъ былъ и его вексель.

Понятно, что подозрѣніе тотчасъ же пало на должниковъ подписавшихъ вышеозначенные документы; у нихъ сдѣлали обыскъ; горшокъ съ жиромъ, шоколадъ и табакъ были найдены у Мартино, который не только во всемъ сознался, но также выдалъ своихъ сообщниковъ, духовъ. Къ несчастью, этихъ послѣднихъ арестовать нельзя было, но надъ Мартино было назначено слѣдствіе и его предали суду. Слѣдствіемъ было раскрыто, что обвиняемый всю жизнь слылъ честнымъ человѣкомъ; у него были долги, это правда, но за подобное преступленіе законъ не караетъ. На судѣ онъ повторилъ слово въ слово то, что высказалъ на предварительномъ слѣдствіи, а именно: что духи овладѣли имъ и что онъ не могъ ихъ ослушаться. Тутъ же кстати онъ началъ распространяться о своихъ оригинальныхъ экскурсіяхъ въ заоблачныя области, подробно описалъ видѣнное и слышанное въ раю, но когда дѣло дошло до ада, онъ смутился и смолкъ.

— Почему же вы не продолжаете? спросилъ у него предсѣдатель суда.

— Я боюсь васъ обидѣть, г. предсѣдатель.

— Ничего, продолжайте, возразилъ предсѣдатель, которому хотѣлось, чтобъ присяжные составили себѣ вѣрное понятіе объ умственномъ состояніи подсудимаго.

— Дѣло въ томъ, что въ аду я увидѣлъ много судей, объявилъ Мартино.

— Вотъ какъ! А воровъ видали вы тамъ?

— О, да! Воровъ тамъ тоже очень много!

Должно быть, духи подѣйствовали и на присяжныхъ: за такое преступленіе, какъ кража со взломомъ въ обитаемомъ домѣ, Мартино былъ приговоренъ только на три года тюремнаго заключенія.

— **Замѣчательное восхожденіе на вулканъ Оризаба въ Мексикѣ** совершилось въ нынѣшнемъ году однимъ изъ жителей Пуэблы съ тринадцатью товарищами. Высота этой горы достигаетъ до 13,310 футовъ и восхожденіе на нее сопряжено съ величайшими затрудненіями. Баронъ Мюллеръ былъ первый человѣкъ, достигнувшій до ея вершины. Это было въ 1859 году. Экспедиція, совершенная въ нынѣшнемъ году, продолжалась четыре дня; пришлось пройдти 7,000 шаговъ въ снѣгахъ, одинъ изъ туристовъ умеръ отъ дѣйствія разрѣженнаго воздуха, а другой скончался, нѣсколько дней спустя, отъ рожи, причиненной отраженіемъ солнечныхъ лучей на снѣгъ.

— **Образъ жизни президента французской республики** въ имѣніи его, находящемся въ департаментѣ Юры, отличается истинно республиканской простотой. Г. Греви живетъ очень уединенно въ своемъ небольшомъ сельскомъ домѣ, занимается охотой и рыбной ловлей въ обществѣ своего семейства и секретаря и видится только съ немногими сосѣдями, старинными его друзьями. О высокомъ положеніи, занимаемомъ имъ во главѣ государства, напоминаетъ только караулъ изъ 12 солдатъ, у входа въ его садъ. Г. президентъ очень любитъ птицъ; онъ выстроилъ прелестное помѣщеніе для своихъ пернатыхъ любимцевъ, что же касается до дома, въ которомъ онъ самъ обитаетъ, онъ состоитъ изъ гостиной, уставленной рѣдкой коллекціей древностей, небольшого кабинета, наполненнаго множествомъ книгъ, въ числѣ которыхъ находятся нѣсколько изданій любимаго автора г-на Греви, Лафонтена, и большой залы съ бильярдомъ. Президентъ большой охотникъ до этой игры.

— **Усовершенствованія въ телеграфномъ дѣлѣ.** «Пет. газ.» приводитъ изъ американскихъ газетъ сообщеніе о новомъ изобрѣтеніи, которое обусловливаетъ необычайную скорость передачи телеграфической депеши: 10 депешъ, по 20 словъ каждая, передаются втеченіи одной лишь минуты изъ Парижа или Лондона въ Нью-Іоркъ. Патентъ на это усовершенствованіе пріобрѣтенъ извѣстною телеграфною компаніей «American Cable C⁰» въ Нью-Іоркѣ. Другая компанія, говорятъ, предлагала за уступку патента 400,000 фунтовъ стерлинговъ, но безуспѣшно. Изобрѣтатель и владѣльцы патента утверждаютъ, что съ введеніемъ новаго способа въ продолженіе 30 минутъ можно будетъ передать по телеграфу все содержаніе лондонскаго «Times» или нью-іоркскаго «Herold»,—воспроизводить его въ видѣ факсимильной матрицы на стереотипной доскѣ и затѣмъ отдавать въ типографію для печатнаго воспроизведенія. Предвидится значительное пониженіе пословнаго тарифа. Другого рода телеграфъ—пневматическій—работаетъ съ 1-го мая нынѣшняго года весьма успѣшно въ Парижѣ. Подъ землею проложены герметическія трубы, сообщающіяся съ всасывающими воздушными насосами. Въ трубу помѣщается цилиндрическій ящичекъ, наполненный депешами и играющій роль поршня. Впереди его изъ трубы выкачивается воздухъ и ящичекъ, подъ вліяніемъ давленія атмосферы на заднюю его грань, быстро проталкивается по трубѣ въ назначенный пунктъ, гдѣ вынимается и раскупоривается. Выгоды этой системы передъ электрическимъ телеграфомъ заключаются въ томъ, что за весьма низкую плату, 50 сантимовъ съ депеши, вы имѣете возможность переслать депешу въ произвольное число словъ, а за 75 сантимовъ имѣете право запечатать ее въ конвертъ и предохранить, такимъ образомъ, отъ нескромнаго любопытства телеграфныхъ служащихъ. Штемпелеванныя карточки для написанія депешъ продаются вездѣ, подобно почтовымъ маркамъ и, написавъ депешу, вамъ остается бросить ее въ ящикъ на телеграфной станціи. Спустя полчаса и отнюдь не-долѣе часа, депеша уже находится въ рукахъ получателя. Скорость—во многихъ случаяхъ превосходящая скорость движенія нашихъ электрическихъ городскихъ телеграмъ.

— **Самосвѣтящаяся краска.** Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ газетахъ появилось извѣстіе о новомъ будто-бы изобрѣтеніи Эдисона, такъ называемой самосвѣтящейся бумагѣ. Это—особымъ образомъ препарованная бумага, которая, будучи выложена на солнце, поглощаетъ солнечный свѣтъ и, такъ сказать, фиксируетъ его такъ, что будучи внесена затѣмъ въ темное помѣщеніе, бумага эта издаетъ изъ себя (втеченіи болѣе или менѣе долгаго времени) свѣтъ, разумѣется, довольно слабый. Свойствомъ находящихся въ бумагѣ веществъ воспользовались американцы для выдѣлки самосвѣтящихся часовыхъ циферблатовъ, обоевъ и проч. Проф. технической школы въ Хобокѣ (Нью-Іоркъ) Мортонъ предлагаетъ даже примѣшивать самосвѣтящіяся вещества къ краскѣ и окрашивать этою краскою наружныя стѣны домовъ. Поглощая днемъ значительное количество солнечныхъ лучей, стѣны эти долго сохраняютъ въ себѣ свѣтящуюся способность по наступленіи темноты, а потому могутъ служить ночью достаточнымъ освѣщеніемъ для улицъ.

— **Ядовитый медъ.** Въ синей книгѣ лондонскаго торговаго совѣта помѣщена статья вице-консула Билиотти о торговлѣ Трапезунда и сосѣднихъ съ нимъ областей, въ которой подтверждается одно сказаніе классическаго писателя Ксенофонта. Ксенофонтъ разсказываетъ между прочимъ въ «Анабазисѣ», что многіе изъ его солдатъ заболѣли, поѣвъ меду изъ долинъ подъ Трапезундомъ. Вице-консулъ пишетъ теперь, что хотя въ тамошнихъ мѣстахъ сильно развито пчеловодство, но меду, приносимаго пчелами, никто не беретъ въ ротъ; а если кто, по невѣдѣнію, и попробуетъ его, то вскорѣ испытываетъ головокруженіе, тошноту и, наконецъ, глохнетъ; случается, и не рѣдко, что послѣдствіемъ бываетъ и смерть. Пчелъ держатъ только для воска. Медъ вреденъ оттого, что въ тамошнихъ долинахъ растетъ во множествѣ дурманъ; красивые цвѣты его содержатъ много меда и пчелы высасываютъ этотъ ядовитый медъ. На горахъ дурманъ не растетъ и медъ, получаемый съ горъ, очень хорошъ и безвреденъ. Нужно замѣтить, что ядовитый медъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ много ядовитыхъ растеній.

— **Находчивость судьи.** Пештскія газеты разсказываютъ слѣдующій любопытный фактъ изъ судебной практики Венгріи. Какой-то еврей купилъ у мадьярскаго крестьянина корову за 65 гульденовъ и тотчасъ же заплатилъ деньги, прося крестьянина пригнать корову въ его (еврея) домъ, такъ какъ они оба жили въ одномъ селѣ. Крестьянинъ изъявилъ на то согласіе, но когда вечеромъ того-же дня еврей явился за коровою,

то крестьянинъ потребовалъ платы, клятвенно увѣряя, что онъ денегъ не получилъ. Еврей жаловался мѣстному судьѣ, но проигралъ дѣло, такъ какъ онъ не могъ доказать, что дѣйствительно уплатилъ деньги. По удаленіи еврея изъ камеры судьи, послѣдній обратился къ крестьянину съ вопросомъ: «Ну, что ты доволенъ,—я хорошо наказалъ еврея?»—«Да, осклабясь, сказалъ крестьянинъ,—я очень доволенъ».—«Ну, въ такомъ случаѣ, не мѣшало-бы, продолжалъ судья,—и меня отблагодарить».—«Извольте; вотъ вамъ десять гульденовъ». Съ этими словами, онъ вручилъ судьѣ ассигнацію въ десять гульденовъ. Судья, тщательно разсмотрѣвъ бумажку, замѣтилъ: «Откуда у тебя, дружище, эта бумажка? Она фальшивая, за это тебѣ придется посидѣть въ тюрьмѣ, по крайней мѣрѣ, два годика».—«Помилуйте, г. судья, воскликнулъ испуганный крестьянинъ,—за что-же меня! Вѣдь я получилъ эту бумажку отъ проклятаго жида! Онъ далъ мнѣ шесть штукъ такихъ и еще одну въ пять гульденовъ, за корову». Въ виду сознанія крестьянина судья подвергнулъ его аресту, такъ какъ за лжеприсягу онъ долженъ былъ подвергнуться трехлѣтнему тюремному заключенію.

— **Самый старый человѣкъ въ свѣтѣ.** Въ Колумбіи, по словамъ тамошняго врача Хернандеса, до сихъ поръ живъ, вѣроятно, самый старый человѣкъ на земномъ шарѣ. На съѣздѣ врачей въ Боготѣ, д-ръ Хернандесъ сообщилъ о своемъ свиданіи съ однимъ метисомъ, Мигуэлемъ Солисъ родомъ изъ окрестностей С.-Себастіана. Солисъ говоритъ, что ему 180 лѣтъ, но его сосѣди утверждаютъ, что онъ гораздо старше. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ старожиловъ разсказывали, что во времена ихъ юности Солисъ уже считался болѣе нежели столѣтнимъ старикомъ. Кромѣ того подпись Солиса, признанная имъ самимъ, находится подъ однимъ документомъ 1712 года. Какъ бы то ни было, но Солисъ несомнѣнно есть единственный человѣкъ XVII столѣтія. Не смотря на такую невѣроятную древность, Солисъ еще бодрый старикъ и не только не потерялъ своихъ умственныхъ способностей, но даже продолжаетъ работать. Долговѣчность свою онъ объясняетъ тѣмъ, что велъ самый правильный и умѣренный образъ жизни и почти не употреблялъ мяса.

— **Велосипедисты.** «Presse» разсказываетъ о замѣчательномъ бѣгѣ на велосипедахъ, происходившемъ недавно въ Лондонѣ. Вь бѣгу принимали участіе 8 человѣкъ; бѣгъ продолжался 6 дней. Вопросъ стоялъ такъ: какое протяженіе можетъ проѣхать каждый изъ участвующихъ, если положить на ѣзду 18 часовъ ежедневно? По окончаніи назначеннаго срока оказалось: Валлеръ проѣхалъ 1,404 версты, Терронтъ, французъ, 1,390 верстъ, Гигамъ 1,145, Каинъ 1,100, Паумсъ 972, Трешеръ 736, Лемингъ 650, Андрюсъ 386. Валлеръ и Терронтъ въ послѣдній день бѣга проѣхали невѣроятную дистанцію въ 220 верстъ, не вставая съ велосипеда и даже обѣдали и завтракали во время ѣзды.

— **По поводу предстоящаго съѣзда естествоиспытателей и врачей** (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Въ декабрѣ предстоитъ съѣздъ русскихъ естествоиспытателей въ Петербургѣ. Предшествовавшіе съѣзды состоялись въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани и каждый оставилъ по себѣ памятникъ въ видѣ огромнаго тома трудовъ, обогащающихъ науку. Однако, какъ и каждое новое дѣло, съѣзды еще не стали на твердую почву, а потому въ организаціи ихъ каждый разъ дѣлались измѣненія. Характеръ занятій съѣздовъ случайный, т. е. тотъ же, который присущъ и ученымъ обществамъ. Рѣчи, избираемыя для общихъ собраній, трактуютъ нерѣдко о далеко не важныхъ вопросахъ, почему и не обращаютъ на себя серьезнаго вниманія. Положить предѣлъ такому порядку вещей необходимо въ видахъ поднятія научнаго значенія съѣздовъ. Дѣйствительно, ѣхать за тысячу верстъ, чтобы сообщить работу, которую можно сообщить и въ родномъ городѣ, странно. Замѣнѣ настоящаго характера съѣздовъ болѣе строго-научнымъ можетъ способствовать только постоянная связь ихъ съ предшествовавшими съѣздами, а также и съ научными учрежденіями. Необходимо исходатайствовать разрѣшеніе на учрежденіе постояннаго комитета съѣздовъ, или же общества споспѣшествованія развитію знаній въ отечествѣ, которое собиралось бы ежегодно, или разъ въ два года въ одномъ изъ университетскихъ или вообще большихъ городовъ. Въ послѣднемъ случаѣ устройство постояннаго комитета изъ представителей ученыхъ учрежденій явится необходимостью. На комитетѣ, пребывающемъ въ Петербургѣ, лежала бы обязанность подготовлять рѣчи для общихъ собраній и вопросы для секціонныхъ засѣданій. Распорядительная сторона должна быть предоставлена спеціальной комисіи, которая избиралась бы заблаговременно изъ представителей ученыхъ и другихъ общественныхъ учрежденій города, гдѣ съѣздъ предполагается, и засѣдала бы въ мѣстномъ университетѣ. Къ числу секцій съѣзда необходимо было бы присоединить секцію прикладного естествознанія. Желательно, чтобы секціонныя засѣданія не совпадали между собою, такъ какъ могутъ быть интересующіеся двумя-тремя секціями и даже дѣлающіе и тамъ, и здѣсь научное сообщеніе. Десятидневный срокъ созванія съѣзда очень уже коротокъ, почему секціонныя засѣданія и совпадаютъ, секціи даже не успѣваютъ выслушивать всѣхъ желающихъ сообщить и иногда не могутъ, засѣдая, принимать участіе въ устраивающихся поѣздкахъ въ окрестности города. Полезно было бы продолжить срокъ съѣзда еще дней на пять, а также соединить съѣзды съ спеціальными научными выставками. Съѣзды могли бы озаботиться составленіемъ полныхъ трактатовъ по отраслямъ знаній, исторіи знаній, научныхъ словарей, біографій дѣятелей науки, рефератовъ объ успѣхахъ знаній, о печатаніи научныхъ работъ и отдѣльныхъ оттисковъ. На съѣздѣ могли бы быть обсуждаемы вопросы о централизаціи ученыхъ обществъ и объ организаціи новыхъ. Секціи могли бы назначать задачи къ разрѣшенію будущимъ съѣздамъ. Онѣ могли бы и серьезно обсудить научные вопросы, каковы, напримѣръ, объ уравненіи нашего и западнаго стилей, о введеніи метрической системы мѣръ и вѣсовъ, о системѣ геологическаго изслѣдованія Россіи, о составленіи россійской флоры и фауны, объ изданіи словаря русскаго языка и мѣстныхъ языковъ, научнаго описанія Россіи, объ организаціи полярной и иныхъ экспедицій, объ учрежденіи центральнаго біологическаго или естественнаго музея, о введеніи преподаванія гигіены въ высшія учебныя заведенія и др.

— **Проектъ тунеля черезъ Монбланъ** утвержденъ французскимъ правительствомъ, которое поручило савойскому инженеру составить планъ по этому предмету.

— **Воспитаніе дѣтей въ Бирманскомъ королевствѣ** не находится въ блестящемъ положеніи, если судить по отзыву комиссіи, которая, по словамъ Times of India, посѣтила недавно одну изъ школъ въ участкѣ Промъ. Заведеніе состояло изъ двухъ учителей и одного ученика: первые были въ отсутствіи, а второй спалъ.

— **Потомки Измаила.** Журналъ «Еврейскій міръ», приводитъ цѣлую серію доводовъ въ пользу теоріи о происхожденіи зулусовъ отъ Измаила. Ихъ уваженіе къ вождямъ, образъ жизни, обычай покупать женъ, украшенія, которыми они щеголяютъ, соблюденіе многихъ обрядовъ при праздновании такъ называемаго праздника «первыхъ плодовъ», все это, по мнѣнію вышеупомянутаго органа, ведетъ свое происхожденіе отъ евреевъ. Глава одного изъ сильнѣйшихъ племенъ зулусовъ называется Моисеемъ, имя Авраама у нихъ тоже въ большомъ употребленіи. Всѣ животныя, считающіяся «нечистыми» по Моисееву закону, считаются таковыми же и у кафровъ; къ свиньямъ, напримѣръ, они питаютъ сильное отвращеніе. Обрѣзаніе у нихъ считается не обязательнымъ, но большая часть населенія придерживается этому обряду.

— **Количество военныхъ силъ.** Въ недавно вышедшемъ нѣмецкомъ сочиненіи «Военная статистическая таблица всѣхъ земныхъ странъ», вычисляются въ слѣдующемъ порядкѣ постоянныя арміи, содержащіяся въ мирное время во всѣхъ европейскихъ государствахъ: наименьшую постоянную армію содержитъ Черногорія, всего только 100 человѣкъ; за нею слѣдуютъ въ прогрессивномъ порядкѣ: Люксенбургъ—513 чел., Сербія—4,222, Греція—12,000, Румынія—12,750, Данія—18,106, Голландія—32,000, Португалія—35,733, Швеція—36,504, Бельгія—45,370, Испанія—100,000, Италія—220,690, Австро-Венгрія—292,191, Германія—418,821, Франція—496,354, Россія—575,000 чел. Въ совокупности всѣ эти арміи составляютъ цифру въ 2,312,567 человѣкъ; если же причислить сюда 200 тысячъ моряковъ, то цыфра эта возвысится до 2,637,000 человѣкъ. На содержаніе этихъ людей требуется ежегодно около 1,500 мильоновъ гульденовъ. Если же взять въ соображеніе, что каждый изъ нихъ могъ бы, по меньшей мѣрѣ, заработать 1 гульденъ въ день, то убытокъ отъ постоянныхъ армій въ хозяйственномъ отношеніи равняется 949 мильонамъ гульденовъ, къ которымъ надо еще прибавить потерю рабочей силы 400,000 кавалерійскихъ лошадей.

— **Громадный пчельникъ.** Величайшій пчельникъ въ мірѣ находится близъ деревни Битонъ, въ Канадѣ. Владѣлецъ его, Джонсъ, имѣетъ 620 ульевъ съ 30,000 пчелъ въ каждомъ. Между тѣмъ, какъ европейскіе пчеловоды добыли въ нынѣшнемъ году мало меду, Джонсъ къ концу іюля уже получилъ 50,000 фунтовъ и надѣется, что къ концу года 19 милліоновъ его маленькихъ работниковъ дадутъ ему еще 77,000 фунтовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Статьи «Біографія г-жи Федотовой» и «Походъ въ Герцеговину» д-ра Щербака по недостатку мѣста отложены на № 40.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 38-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 29-го сентября въ 1 часъ 30 минутъ утра, на иногороднную почту 30-го сентября въ 12 час. 30 мин. пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель Н. И. Шульгинъ.
Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 28 Сентября 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)